Наталья Соснина

ОКНО С ВИДОМ НА СЧАСТЬЕ

I ТОМ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Наталья Соснина

Окно с видом на счастье

«Автор»
2026

Соснина Н.

Окно с видом на счастье / Н. Соснина — «Автор», 2026

Студент-медик оставляет свою возлюбленную ради мечты стать хирургом, но успех в профессии не делает его счастливым, и он, многое переосмысливший и повзрослевший, делает все возможное, чтобы исправить свою ошибку.

© Соснина Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Наталья Соснина
Окно с видом на счастье

Глава 1

Второй шанс

2016 год

В небольшом солидном баре на одной из улочек «тихого центра» за столиком у стены сидел импозантный, наголо бритый мужчина лет сорока пяти. Взгляд его невероятно черных глаз был обращен на стоящий на столике тяжелый стакан, где янтарным светом горел виски. Но мужчина, несомненно, видел нечто более важное, чем стакан с виски. Он сидел неподвижно, откинувшись на стуле и вытянув ноги в рыжих замшевых мокасинах. Крупные красивые руки, какие бывают только у пианистов и хирургов, лежали на столе. Рядом в массивной хрустальной пепельнице тлела сигарета.

Звякнул колокольчик на входной двери, но тот даже не оглянулся, продолжая смотреть прямо перед собой, хотя знал, что к нему в скором времени должен присоединиться его друг – встреча была назначена на семь часов вечера.

В бар вошел другой мужчина – высокий, крепкий, с веселыми и живыми голубыми глазами, одетый в легкие льняные брюки и майку-поло. Несмотря на то, что этот человек явно в прошлом имел отношение к какому-то виду спорта вроде борьбы или бокса, бармену, от нечего делать наблюдающему за обоими, подумалось, что вошедший похож на доброго доктора. Лет ему на вид было примерно столько же, сколько и задумчивому посетителю.

«Доктор» подошел к столику, за которым сидел черноглазый, с размаху швырнул на диванчик слегка раздутый от бумаг кожаный портфель, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Саня, ну чего там у тебя стряслося?

Тот вздрогнул, с трудом оторвав взгляд от стакана с виски, и поднял голову:

— Здорово, Лёх…

После чего вновь уставился перед собой. Лёха озабоченно протянул:

— Да вообще-то здоровее видали… Что с тобой, Сань?

В ответ тот лишь покачал головой. Вновь прибывший вдруг посерьезнел:

— Саша, что? Летальный исход? Кто?

Бармен, гордясь своей проницательностью, переставил бутылки на стойке и с еще большим интересом приготовился слушать дальше.

— Да нет… — протянул в ответ Саня. – Не «двухсотый». Федоренко вообще из кризиса вышел.

— Тогда что случилось? – снова заволновался Алексей. – Не томи.

Черноглазый медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, произнес:

— Она звонила мне, Лёх… Н-да…

— Кто? – явно не понял его собеседник. – Кто звонил?

— Сейчас, Лёш, сейчас. Дай с мыслями собраться. Расскажу тебе, наконец, все, — и он махнул рукой официанту. – Можно вас?

Официант – молодой человек с подозрительно густыми ресницами и в узких синих брючках – предупредительно подскочил к столику: бар был из разряда дорогих.

— Слушаю вас-с-с-с?

Бритоголовый красавец повернулся к другу:

— Лёш, ты виски? Или коньяк?

Тот немного удивился в ответ:

— Виски, конечно, Сань, чего ты спрашиваешь?

— Ну мало ли… — протянул тот. – Принесите нам по одному виски и — он неопределенно покрутил в воздухе правой рукой. – Не знаю, орешков там каких-нибудь, сыра, что ли… Короче, закусить немного. И меню.

— Конечно, — наклонил голову официант. – Что-нибудь еще? Воды? Без газа?

— О, точно! – оживился Алексей. – Пить охота! Мне воды без газа, пожалуйста.

Восхищенно сверкнув глазами из-под черных опахал ресниц, синебрючный упорхнул. Бармен покачал головой и шепотом произнес ему вслед: «Ос-с-спади-и-и-и…» Вновь прибывший тем временем продолжил свои изыскания:

— Саш, так кто звонил-то? Эта, что ли, твоя? Как там ее? Каролина?

Черноглазый поморщился:

— Да какая, к бесу, Каролина, Лёх… Во-первых, ее зовут Селена, я тебе уже говорил. Во-вторых, она тут вообще ни при чем.

— Ой, слушай! – Лёша взмахнул рукой. – Я помню, что ли, как там их всех у тебя зовут!

— Да каких всех, ты чего? – возмутился Саша.

— Да в твоих бабах запутаться можно! – засмеялся его друг. – Каролина, Регина, Ангелина… Хрен разберешь!

— Селена, — улыбнулся Саша.

Надо отметить, что Алексей Николаевич Румянцев (а именно так звали голубоглазого мужчину) был примерным семьянином и отцом троих детей. На заре студенческой юности встретил он свою будущую жену Татьяну, да так и прожили они всю жизнь, вместе преодолевая трудности и невзгоды и радуясь успехам. В этом счастливом и крепком браке, которым Саша всегда восхищался и даже немного завидовал, родились двое старших сыновей – Серёжа и Дима, к моменту описываемых событий уже студенты медицинского, и гораздо позже, осветив, словно солнышко, жизнь родителей, братьев и дедушек-бабушек — малышка Анечка, Сашина крестница и любимица.

Александр же Леонидович Корольков, которого доктор Лёша только что некоторым образом обвинил в неразборчивости в связях, несмотря на то, что тоже был женат, детей не имел. Жена его, умница и красавица Арина, моложе супруга на десять лет, наследника ему подарить так и не сподобилась. Алексей подозревал, что уже и не сподобится, потому что Арина была сама как ребенок – избалованная, капризная мамина и папина дочка. Вопросом о том, как Сашу угораздило взять в жены такую, как выражалась в свое время Лёшина бабушка, профурсетку, он уже устал задаваться, махнув рукой и на этот мезальянс, и на появляющихся время от времени в жизни друга то Каролин, то Кристин, то вот, пожалуйста… Селена теперь.

Лёша был уверен, что от хорошей жизни мужик не станет заводить любовниц, поэтому, зная характерец Сашиной супружницы, в душе друга жалел и на протяжении всех десяти лет, которые тот прожил в браке, сокрушался о том, как Александру не везет в личной жизни.

Официант, наклоняясь то так, то этак, захлопотал над столиком. Расставил тарелки, медленно разложил приборы, снова упорхнул. Затем принес воду. Затем – стаканы с виски. После – стакан для воды. Поинтересовался:

— Стаканчик для водички один? Или вам тоже подать? – и обратил томный взгляд серых глаз в оправе неправдоподобно длинных и густых ресниц на Сашу.

Тот, про себя подумав: «Что за черт? Ресницы, как у девчонки… Тьфу ты, пропасть! Ну понятно!», ответил, сощурившись:

— Да, мой друг. Мне тоже. И несите уже закуску, что вы мечетесь сюда-туда?

— Ах, простите! – вскинулся официант. – Конечно!

Бармен снова тихонько фыркнул: «Так тебе и надо, козья морда! Выделывайся больше!»

Наконец Густые Реснички смог донести до столика, за которым уже изнывали со стаканами виски в руках Лёша и Саша, поднос с закусками. Молча расположив сервировочные тарелочки с сырами, мясной нарезкой и орешками между остальными приборами, он, стрельнув напоследок глазами в сторону Королькова, удалился, слегка покачивая тощими бедрами.

Алексей недобро посмотрел ему вслед и задумчиво позвал:

— Сань…

— М-м-м? – промычал в ответ тот.

— Ты это… Знаешь, что?

— Что?

— А, ладно! – встрепенулся Румянцев. – Давай выпьем сначала.

Они потихоньку чокнулись, и через несколько секунд ублаготворенно заулыбались: виски обжигающей струйкой стал растекаться по их организмам.

— Сань… — напомнил Лёша. – Ты это… Рассказать чего-то хотел?

— Расскажу, Лёш, — серьезно ответил Корольков. – Сегодня точно расскажу, — и он снова уткнулся взглядом в стакан.

— Короче, Сань, — снова начал Алексей. – Пятаков опять продлился на бормашину.

У Королькова изумленно поползли вверх черные брови:

— Да ладно?! – воскликнул он.

— Ну да, — подтвердил Лёша с некоторой претензией в голосе, как будто друг ему не верил. – Мне Настенька звонила днем.

Настенька была племянницей жены Румянцева и их с Сашей общим ангелом-хранителем. Окончив факультет экономики, девушка стала прекрасным бухгалтером – как выражалась Лёшина мама Зоя Григорьевна, муха не пролетит. К этому моменту Румянцев с Корольковым уже несколько лет, помимо основной своей работы в отделении неотложной хирургии горбольницы номер четыре, а также преподавательской и научной деятельности, имели небольшой, но при этом приносящий стабильный и весьма недурной доход бизнес: их маленькая фирмочка занималась сдачей в аренду медицинского оборудования.

Началось все несколько лет назад со звонка Сашиной одноклассницы Иры Бариновой – та работала стоматологом в некоей частной клинике, которая как раз решила перепрофилироваться и распродавала часть оборудования.

— Корольков! – воззвала в трубку Ирина. – Тебе случайно аппараты УЗИ не нужны?

— Иришка! – обрадовался Саша. – Привет, дорогая! На кой, позволь узнать, хрен, мне твои аппараты УЗИ сдались?

— Ну как… — удивленно протянула та. – Мало ли… В аренду можно сдавать.

Саша задумался: он никогда не занимался бизнесом, полностью отдаваясь своей работе. Но Ира неожиданно навела его на мысль: а почему бы и нет? Другие же доктора могут: он знал нескольких коллег, которые, помимо работы в муниципальных клиниках, имели небольшие «свечные заводики». Одним словом, зерно упало на благодатную почву, и вскоре они с Лешей, арендовав крошечный складик в одном из корпусов фабрички, называемой в народе «гармонной» (той самой, где в свое время изготавливали целлулоидные пластины для клавиш аккордеонов и баянов и с которой юный Корольков с товарищами похищал кусочки целлулоида для изготовления великолепных бомбочек), стали совладельцами нескольких списанных переносных аппаратов УЗИ, медицинских кушеток, стоматологических кресел и одной бормашины. С этого арсенала их бизнес и начался. Оказалось, что аренда такого оборудования может приносить доход, и весьма неплохой. Сначала вложились по минимуму: Саша продал тогда родительскую дачу, которая стояла неухоженная и одичавшая уже много лет, Лёшу же прокредитовали родственники.

Они делали все сами: находили клиентов, доставляли им оборудование, отвозили в случае необходимости в ремонт. Даже договоры сами составляли. Однако, как ни удивительно

(учитывая то, что оба не были бизнесменами, да и загруженность врачей в неотложной хирургии – это вам не фунт изюма), бизнес начал разрастаться. Постепенно прикупили несколько ламп и боксов для недоношенных младенцев. Дальше – больше: появились специализированные хирургические приборы, ЛОР-оборудование, ортопедические приспособления и прочая, и прочая. Складика на задах Пушкинского жилмассива стало явно не хватать, сняли еще одно помещение. Да и по заказчикам едва успевали ездить.

И вот тут в их жизни появилась Настенька. Она как раз защитила диплом и в 2011 году сама изъявила желание помогать дяде Лёше в его бизнесе. Настя работала дома: вела бухгалтерию и договоры, да еще и, будучи в силу возраста продвинутым пользователем всемирной паутины, создала сайт и очень много занималась продвижением услуг фирмы «Добрые РуКи».

Надо сказать, фортуна любила доцентов Румянцева и Королькова – дела у друзей шли в гору. Постоянно обновлялся парк электронного и механического оборудования, пополнялись запасы ортопедических приспособлений, специализированных кроватей, кушеток, кресел.

У Саши и Лёши был обширный круг знакомств, и то тут, то там «выстреливало» дешевое оборудование. Кроме того, однажды они прооперировали мужика – его привезли в отделение с камнями в желчном, и бедняга испытывал нечеловеческие страдания, так как камни «пошли». Так вот, этот пациент оказался уникальным специалистом по ремонту именно медицинского оборудования и, конечно же, разговорившись со своими спасителями, взял их фирму на обслуживание по самым демократичным ценам. Работали на доверии, и иногда мастер, имя которого было, как ни парадоксально, Рейнгардт Рейнгольдтович Вааг (близкие и клиенты называли его, конечно же, дядя Рома) ремонтировал оборудование для «Добрых РуК» в долг или вне очереди – очень уж уважал своих докторов.

Купили Настёне небольшую юркую «тойотку», и она часто развозила негабаритное оборудование по клиентам сама. На некоторые приборы, а особенно на ортопедию нередко выстраивались очереди, и девушка даже завела на сайте «лист ожидания». Дела шли неплохо, оборудование пополнялось, обменивалось, чинилось и даже иногда окончательно выходило из употребления. Претерпевал модернизацию сайт, появлялись новые заказчики и уходил кто-то из старых. Одним словом, все текло, все изменялось в маленьком бизнесе Королькова и Румянцева.

Неизменным оставалось одно. Ни разу за все время существования фирмы «Добрые РуКи» — а с момента судьбоносного телефонного разговора с Иришкой Бариновой прошло ни много ни мало восемь лет — никто не взял в аренду ту самую бормашину, которая оказалась на складе «гармонной фабрики» в числе самых первых единиц оборудования. Бормашина была исправна, имела вполне презентабельный вид и достойное функциональное наполнение, но за все эти восемь лет ни разу не вызвала интереса ни у одного из заказчиков. Так и стояла она, абсолютно невостребованная, на складе, несмотря на то, что Настиной рекламой вовсе не была обделена. Настя часто повторяла: «Она у нас, наверно, заговоренная, дядь Лёш» и время от времени протирала с нее пыль и снова закрывала полиэтиленовым кожухом.

И вот около трех месяцев назад, в апреле, у Румянцева вдруг буквально среди ночи зазвонил сотовый. Обычное дело, подумал он, сонно проводя пальцем по экрану, наверно, тяжелого привезли. Сейчас придется ехать. Однако звонила племянница, и Румянцев всполошился:

— Настюша? Что случилось?

— Дядь Лёш, — торопливо заговорила девушка. – Вы уж меня простите!

— Да что такое, Настя! – еще больше заволновался чадолюбивый Румянцев. – Прекрати мерсикать и говори по делу!

— Да вот, прямо и не знаю… Только что позвонил заказчик. Просит, не поверите, бормашину…

— Да ты что?! – поразился Алексей. – А кто таков?

— Да он не представился, — ответила Настя. – Но он сейчас просит, дядь Лёш.

— В смысле сейчас? – не понял тот.

— Ну сейчас прямо просит забрать. Готов приехать сам.

Румянцев посмотрел на часы, висящие над входом в спальню: овальный циферблат поблескивал в свете луны. Стрелки показывали три тридцать пять.

— Дядь Лёш, — прервала его недоуменное молчание племянница. – Я одна-то боюсь ночью на склад… Мало ли, кто он, может, маньяк какой…

— Да что ты, детка, — очнулся Алексей. – Какой склад… Мы сейчас с дядей Сашей сами.

Доценту Румянцеву, во-первых, было страсть как интересно, кто же вдруг впервые за восемь лет решил арендовать у них бормашину, да еще в столь несуразное время. А во-вторых, ему стало обидно: Корольков, значит, будет там сны досматривать в теплой постельке, а он, Алексей Николаевич Румянцев, проведя накануне несколько операций и вымотавшись за день, как собака, поедет на склад выдавать неведомому клиенту-маньяку бормашину. Лёша так и видел, как у ворот склада его встречает гибрид Фрэдди Крюгера и Ганнибала Лектера. «Хорошо, там пацаны из охраны нормальные, с „Сайгой“, — подумал Румянцев. – Хотя против Фрэдди Крюгера „Сайга“, наверно, не проканает…» Сообразив, что почти засыпает, Лёша решительной рукой набрал Королькова.

Удивительно, но тот почему-то не спал. Двадцать семь лет были знакомы Лёша и Саша, и никак Румянцев не мог ни понять, ни поверить, что у человека может быть бессонница. С его другом Корольковым она иногда случалась, нечасто, но все-таки, и всякий раз этот факт вызывал первобытное изумление Алексея Николаевича.

— Ну не сплю я, не сплю! – шепотом заорал в трубку Саша. – Чего тебе?

— Саня, тут такое дело…

Выслушав рассказ друга, Саша воскликнул:

— Так, давай заезжай за мной. Вместе поедем твоего маньяка ловить!

— Сань, да не ловить! – Лёша был уверен, что про бессонницу доцент Корольков врет из человеколюбия, а на самом деле никак не может проснуться. – Бормашину надо выдать со склада.

— Да понял я! Говорю же, не сплю, — все так же, шепотом, продолжал Саша. – Заезжай, я пока договор распечатаю. Заполним от руки.

Фары Лёшиного внедорожника осветили ворота бывшей «гармонной фабрики». Место было глухое, поскольку ближайшие дома загородил появившийся здесь в нулевых гаражный комплекс. В окошке проходной мерцал экран телевизора.

— Хорошо, что пацаны не спят, — почему-то шепотом сказал Саша.

— Угу… — доценту Румянцеву тоже было некомфортно в этой ночной тишине и темноте. Он еще хотел спросить у Саши, с собой ли у него тот нож с наборной ручкой, подаренный давным-давно зэком, коего они не отпустили к праотцам – мужика привезли к ним с десятью ножевыми. Однако не успел: к воротам подъезжала еще одна машина.

— Вот он! – снова прошептал Корольков, будто они и вправду караулили маньяка.

Уже от одного его хриплого шепота Лёше стало не по себе.

Машинка оказалась совсем небольшой – это был миниатюрный девчачий «витц» небесно-голубого, как успели разглядеть в свете фар доценты, цвета. Автомобильчик остановился, и из него стала вылезать огромная бесформенная фигура, отдаленно напоминающая человеческую.

— Матерь божья, что это? – в ужасе прошептал Лёша.

В ответ Корольков только молча сглотнул, потому что у него внезапно пересохло в горле. Однако фигура, окончательно распрямившись, оказалась просто очень крупным мужиком в каком-то то ли балахоне, то ли дождевике. «А! Плащ-палатка!» — догадался Лёша.

Они вышли из машины, и мужик радостно воскликнул:

— Здрассьти! Я за бормашиночкой!

— Добрый… э-э-э… вечер, — ответил вежливый Корольков.

Лёша же посчитал иначе:

— Доброе утро! – сказал он одновременно с Сашей.

Однако нечто до боли знакомое прозвучало в этой его «бормашиночке», подумали одновременно Корольков с Румянцевым, и, подойдя поближе, узнали в бесформенной фигуре Васю Пятакова – проктолога из сорок третьей больницы. Вася был их ровесником, но с ними не учился – он переехал в Новосибирск из какого-то небольшого среднерусского городка. Из Новосибирска родом была его жена, а ее Вася, поговаривали, любил больше жизни, потому что мог удержать на ладони одной руки – такая она у него была миниатюрная, словно Дюймовочка. Сам же Василий Владимирович Пятаков выделялся среди коренных сибиряков не только своим могучим телосложением, но еще и цветом волос: таких светловолосых людей в Сибири не бывает. Был он увальнем с огромными ручищами и удивительно живой и добродушной улыбкой. Однако доктора-мужчины Васю некоторым образом иррационально побаивались: в городе было всего два реально хороших проктолога – Вася и доктор Драбкина в Академгородке. Случись чего, суеверно сплевывали через левое плечо мужики, не к Драбкиной же идти… При этом как профессионалы, обладая академическими знаниями в области анатомии и физиологии человека, они в страшном сне не могли себе представить, что с ними может сделать своими ручищами доктор Пятаков. Света Гулькина, коллега и боевая подруга, любила припугнуть их где-нибудь на даче или при переезде: «Вы, пацаны, поосторожней там, шибко тяжести-то не поднимайте! А то геморрой вылезет, кому задницу свою потащите? – цинично вопрошала она и добавляла страшным голосом: – Пятакову-у-у-у?»

Между тем Вася тоже узнал арендодателей бормашины:

— Ой! – радостно воскликнул он. – Лёха! Саня! Так это вы, что ли, бормашиночку-то сдаете?

— Мы… — снова сглотнул Саша, вспомнив Светкины пугалки. – Здор*о*во, Василий!

Хирургическая длань Королькова, который всегда знал и гордился, что у него крупные руки, утонула в Васиных ладонях: рукопожатие у того было самым, наверно, добрым и искренним в медицинском сообществе города. «Про Румянцева и речь не идет, — немного свысока подумал Саша. – У него руки еще меньше, чем у меня, он около Васи вообще со своими ладошками словно подросток». Однако Вася не успокоился, пока не утопил в своих ручищах и Лёшины пальцы, затем вскинулся:

— Ну давайте, давайте ее! Мне скорее надо, пацаны!

От удивления Саша даже не решился достать договор:

— Э-э-э… Вась, ты потом нашей девочке позвони, ладно? Надо будет подъехать договор подписать и рассчитаться. Договорились?

— Да не вопрос, Саня, — торопливо ответил тот. – Она ж исправна, все?

— Ну… В данный момент ее проверить невозможно, — сориентировался Алексей. – Но если что не так, привезешь, мы мастеру покажем. Неделю назад проверяли, все было нормально. Боры там, в кармашке.

— Да боры у меня есть! – махнул рукой Пятаков. – Спасибо, пацаны, что не отказали! Вот задаток, — он протянул купюру. – Ваша Настя сказала…

— Так, а… приходник, чек? Что тебе?

— Да мне ничего не надо, Сань! – радостно улыбнулся Вася. – Я ж частным образом.

Саша украдкой взглянул на Румянцева: у того глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а брови окажутся на затылке. Сам Корольков, для которого всегда самым важным было сохранить лицо в любых ситуациях, еще как-то держался.

В глубоком молчании они втроем вытащили небольшую, но неудобную бормашину за ворота и в замешательстве остановились перед крошкой «витцем».

— Вась, так а как ты ее повезешь-то? На своей малютке? – спросил Лёша. Причем, произнося слово «малютка», он имел в виду стиральную машинку с таким названием, которая, как известно, размеры имела совсем уж компактные.

— Да эт не моя! – расплылся в улыбке Пятаков и нежно добавил: — Эт жены… Юлечки моей, я вот ей недавно купил, пусть, думаю, девчонка ездит, раз хочет…

И Королькову, и Румянцеву было известно, что Васиной «девчонке» лет столько же, сколько и ему – сорок пять, и они в который раз поразились, что не врут, видно, в книгах и фильмах: есть она все-таки, любовь-то эта…

— Хм-м-м… — прочистил горло Румянцев. – А твоя-то где?

— Да на СТО отогнал. Там на левом берегу СТО одно открылось, так они по «хаммерам» специализируются как раз.

— А-а-а… — уважительно произнес Корольков, который часто в своих сорокашестилетних мальчишеских мечтах видел себя за рулем «хаммера». – Так это, Вась… Давай мы тебе поможем? Довезем куда надо?

— Пацаны, да неудобно как-то, — засмущался Вася.

— Давай-давай, — решительно перебил его Румянцев, которому до судорог хотелось скорее остаться с Корольковым наедине и обсудить, наконец, эту совершенно фантастическую ситуацию.

Они закинули бормашину в багажник «лексуса», Вася влез в Юлечкину малютку, и процессия тронулась. Ехать было недалеко: жил Пятаков («Или не живет он там, — подумал Саша, содрогаясь, — а… Что он делает вообще с этой бормашиной?!») на Демьянке – улице Демьяна Бедного, совсем рядом с Пушкинским жилмассивом. Посему они достаточно быстро распрощались с Василием, благополучно выгрузив в ночном подъезде бормашину.

Полминуты ехали молча, отходя от увиденного. Потом Лёша начал:

— Сань…

— Лёша, я сам в шоке! – экспрессивно перебил его Корольков. Они столько лет дружили и провели вместе столько операций, что понимали друг друга не то чтобы с полуслова, а вообще без слов. – Я не могу даже предположить, зачем ему бормашина!

Они закурили и одновременно выдохнули сигаретный дым.

— Ну может, Настя что-то выяснит, — неуверенно произнес, наконец, Румянцев. – Я ей скажу, чтобы, когда он рассчитываться приедет, спросила, что ли…

— Не знаю, Лёх, — глубокомысленно ответил Саша. – Не знаю…

Делать какие-либо предположения не было ни сил, ни, самое главное, мыслительных возможностей, поэтому они, договорившись, что подумают об этом завтра, расстались. На часах было пять утра.

И вот теперь, на протяжении трех месяцев подряд Василий Пятаков продлевал договор аренды бормашины. Он приезжал к Насте – для оформления документов и встреч с заказчиками Саша и Лёша снимали рабочее место в офисе одной фирмы, которая принадлежала знакомому коммерсу и занималась продажами какого-то неведомого им оборудования то ли для горных работ, то ли, наоборот, для рыбалки, — и, радостно и немного смущенно улыбаясь, исправно вносил необходимую сумму, пролонгируя срок договора еще на месяц. Спрашивать о роли бормашины в жизни проктолога Пятакова Насте было неудобно. Она так и сказала родственнику:

— Дядя Лёша, нет. Я не могу задавать такие некорректные вопросы.

И правда, спрашивать было как-то неловко: ведь арендовал бормашину не врач больницы номер сорок три и даже не представитель этой организации, а частное лицо Пятаков В.В.

Сплетниками Румянцев и Корольков никогда не были, поэтому обсуждать в курилках историю с бормашиной они позволить себе не могли. Кроме того, доктор Пятаков имел репутацию доброго и интеллигентного человека, который, несмотря на свои устрашающие габариты,

мухи не обидит. Посему, немного поскабрезничав между собой, мужики оставили этот вопрос висящим в воздухе: ничего путного в голову не приходило. Однако с периодичностью раз в месяц они вспоминали о Васе – когда Настя докладывала, что тот снова побывал в офисе.

Вот и сейчас Румянцев в ответ на возглас Королькова недоуменно протянул:

— Ну да, представляешь? Я, Сань, вот честно, ничего не понимаю…

— Что ж такое! – вымученно произнес Саша. – Мистика какая-то… Н-да… Лёх, надо как-то все-таки выяснить!

— Сань, когда? – Алексей поднял на него глаза. – Ну минуты же свободной нет. Серёжку в ординатуру надо пристраивать, висит это дамокловым мечом. Платно сам знаешь, сколько это выйдет. А у меня Дима на подходе, пятый курс уже…

— Жаль, что он к нам не хочет… — поддержал друга Саша. – У нас место есть.

— Ну не хочет! – то ли с досадой, то ли с гордостью в голосе воскликнул Румянцев. – Травматология, и все тебе…

— Мужик! – похвалил Саша. – Своего добьется.

— Танька к Рубинштейну собралась… — уныло сказал Лёша. – Просить будет. А что делать?

Помолчав, они одновременно хлебнули из стаканов. Густые Реснички снова возник возле стола:

— Па-а-ажалуйс-с-ста, меню-ю-ю-ю, — вытянув губы трубочкой, манерно выговорил он.

— Благодарю вас, мой друг, — серьезно ответил Саша.

Бармен же, которому было прекрасно слышно и видно все, что происходило за столиком, шепотом передразнил: «Меню, тебю и список блюдей…»

— Мы сразу закажем, молодой человек, — решительно сказал Алексей. – Не убегайте.

— Конечно! – выхватил блокнот Густые Реснички. – Слушаю вас-с-с…

— Та-а-ак… — задумчиво начал Корольков. – Лёша, ты будешь жюльен?

— Буду! – припечатал его друг. – Я вообще, Саня, жрать хочу, как из пулемета.

— Прекрасно. Принесите нам, пожалуйста, по жюльену с грибами, по салату какому-нибудь…

— Могу порекомендовать, — склонился над Корольковым официант и, вытянув наманикюренный пальчик, ткнул им в страницу солидного, в кожаном переплете меню. – Вот этот, с кусочками ананаса и оригинальной заливкой.

— Валяйте этот, — согласился Саша. – И проследите, пожалуйста, чтобы жюльены были горячими.

— Безусловно! – слегка задохнулся Густые Реснички. – Наш бар работает в соответствии с представленным меню-ю-ю… Это все? – почтительно осведомился он.

— Да уж конечно! Все! – улыбнулся Лёша. – А горячее?

— Да-да, — снова вооружился блокнотом официант. – Слушаю…

— А на горячее… — невозмутимо продолжил Саша, – кстати, можно сразу начинать готовить, видите, мой друг умирает от голода… Н-да. Ростбиф с жареной картошкой и овощами гриль.

— Ростбиф и вам, и вам? – повернул он голову туда-сюда.

«Вот дебил, — подумал бармен. – Нет, блин, один на двоих им принеси! Понятно же, что мужики жрать хотят, да и не особо заморачиваются. Мяса им по куску надо!»

— Да, два ростбифа средней прожарки, — ответил Лёша. – И попросите, пожалуйста, чтобы хоть что-то дали побыстрее.

— Конечно! – упорхнул, снова виляя задницей, Густые Реснички.

Доктор Румянцев посмотрел ему вслед и покачал головой.

Корольков же задумчиво добавил:

— И хлеба, сына, хлеба…

«Ну ничего, — подумал Лёша. – Раз шутит, значит, не все так плохо».

— Сань, так кто звонил-то тебе? – спросил он.

— Лёш, представляешь… Катя звонила… — медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом, сказал черноглазый, и бармен с интересом навострил уши.

— Какая Катя? – заинтересованно взглянул на него Румянцев. – Которая из гнойной хирургии, светленькая?

— Сам ты, Лёша, из гнойной! – слегка вызверился Саша. – При чем тут гнойная-то?

— Ну она же все тебе глазки строит, вот я и подумал… — стал оправдываться тот.

— Подумал он… Нет. Катя.

— Саша, знаешь что! – возмущенно воскликнул Алексей. – Говори нормально, в конце-то концов!

— Лёш, помнишь, я тогда в общаге две недели пил, когда перед пятым курсом к тебе переехал?

— Да уж как не помнить, дружище! – ответил тот. – Кое-как тебя из запоя вывел. Чуть до абстиненции не допился…

— Так вот, Катя, — перебил его Корольков, – это та самая девочка, из-за которой я тогда…

— А-а-а… — дошло до Румянцева. – Та самая? Столько лет прошло, Сань… А чего это она? На консультацию?

— Да нет, Лёш… Не на консультацию… — протянул Саша.

— Лежит у нас кто-то?

— И не лежит никто. Она позвонила мне… — тут Корольков вытащил из пачки сигарету и закурил, глубоко затянувшись, – и слово в слово повторила ту фразу, которую я ей в записке написал. Это только я знаю и она, раз прочитала.

— В какой еще записке? Что это у тебя еще за тайны мадридского двора? – нахмурился Алексей.

— Да я же, Лёш, когда уходил, — усмехнулся Корольков, – записку ей догадался оставить. Н-да… Констатируй уже мне олигофрению в стадии дебильности, дружище!

— Не, ну Сань… — потрясенно протянул Румянцев. – Я не знаю, конечно… Нахрена записку-то? Ну ушел и ушел от девчонки…

— Да, Лёша! – экспрессивно и вместе с тем самоуничижительно воскликнул Корольков. – По-латыни к тому же, чтобы, соответственно, разобрать никто не смог.

— А что написал-то? – заинтересовался тот.

— Nescio quam spirare sinete. Вот так вота вот, Лёша.

— Это что же? Погоди? – нахмурил лоб Румянцев. – Как же… Не дышу… Не знаю, как дышу… Не знаю, как дышать… О боги! Я не знаю, как дышать без тебя! Ты, Саша, в натуре, дебил!

Корольков удрученно молчал.

— И что? Думаешь, ей кто-то перевел? – с интересом спросил Румянцев.

— Ну, во-первых, это сейчас не проблема – перевести, во-вторых, она юрист, я узнавал. Они тоже латынь изучают, — ответил Саша.

— Юристы? – удивился Алексей. – А им-то она зачем?

— Ну, видимо, — предположил Корольков, — какие-то специфические термины существуют.

— Что-то я не особо замечал, чтобы Юрец по-латыни изъяснялся… — вспомнил Лёша их общего друга юриста Чернова.

— Да Юрец разгильдяй, — воскликнул Саша. – Что с него взять… Поди, и не помнит ничего.

— Ну и ладно, — вернул Сашу к теме разговора Алексей. – Звонила Катя. И что?

— Да собственно, Лёш, ничего, — уныло произнес тот в ответ. – За исключением того, что я теперь не знаю, что мне делать… Я же всю жизнь ее помню…

— Сань… — с превеликим удивлением в голосе сказал Румянцев. – Я не думал никогда… Я всегда считал, что Арина…

Корольков поморщился:

— Дружище, не лицемерь. Ты прекрасно знаешь все про Арину.

— Так разводись тогда, Сань! Детей у вас нет, и, может, в данном случае это положительный аспект. Делить нечего. Доля в фирме зарегистрирована на тебя, поэтому… Как там Юрка объяснял? На кого записано, того и собственность, с учетом вашего брачного договора?

— Ну это да… Тут теща в свое время маху дала, — злорадно усмехнулся Корольков. – Она не думала, что я смогу что-то свое открыть или заработать.

— Разводись! – воскликнул Румянцев. – И женись на этой своей Кате!

— Да ты что? – испугался известный любимец женщин Корольков. – Как? Она, наверное, и видеть-то меня не захочет… — и снова грустно уткнулся носом в стакан. – И вообще, Лёх, знаешь… Нет в жизни… радости, что ли? Арина что? Арина делает карьеру, папочка ейный помогает со всей дури.

— Ты что это, Сань? – вскинулся Алексей. – Завидуешь собственной жене?

— Да чему там завидовать-то? – невесело улыбнулся Корольков. – Пыжится, пыжится… Вот прям прорыв в медицине – морды старухам натягивать.

— Ну тоже надо, Сань… — возразил было Леша.

— Кому надо-то, Лёх? – возразил тот. – Может, тете Клаве, соседке моей, у которой пенсия четырнадцать косарей и внук малолетний на иждивении? Да если б я ей денег не подкидывал за то, что она за моей квартирой приглядывает, да картохи из тещенькиных закромов не привозил иногда, они бы с Валеркой с голоду опухли уже. Как раз Арине Аркадьевне клиентка, ага.

— Ну Сань, ты не прав. Арина делает людей счастливыми, — снова начал защищать Сашину жену Алексей. – Определенную, конечно, категорию людей, но все-таки.

— Вот-вот. Счастье, — со злостью сказал Корольков. – Симпозиум у нее. В Италии, если что. По вопросам вживления в область подбородка какой-то, Лёша, хрени, даже не знаю, как называется. И знать не хочу!

— Нет, ну Сань, погоди! А если, не дай бог, какая-то врожденная патология? Labium ltporinum, к примеру. Разве в таком случае не нужны пластические хирурги?

— Лёша, начнем с того, что Арина не пластический хирург. Тебе прекрасно известно, что она так и не смогла этим заняться – кишка тонка. Хотя как раз только в таких случаях они и нужны! А то гляди-ка, жизненные показания – бабкам губищи накачивать.

— Сань, хрен с ней, с пластической хирургией… А звонила-то Катя твоя тогда зачем? – снова спросил Румянцев. – А?

— Ну не зна-а-а-аю… Может, отомстить мне хотела…

— Саня, – твердо произнес Алексей. – Я, конечно, не такой знаток женского пола, как ты. Но что-то мне подсказывает, что бабы просто так не звонят. Чего ей тебя вообще вспоминать, если предположить, что она забыла и видеть не желает?

— Ну не знаа-а-аю… — снова протянул Саша.

— Короче, — решительно резюмировал Лёша. – Давай выпьем еще. Молодой человек, подойдите, пожалуйста.

— Горячее уже готовят к подаче, — радостно сообщил резво подскочивший Густые Реснички.

— В смысле – горячее? — поднял красивые черные брови Корольков.

— Так а салат мы просили? Жюльен, опять же?

— Но… — захлопал глазками официант и жеманно поднял вверх ладонь. – Вы просили… Побыстрее…

Бармен, делая вид, что всецело поглощен процессом протирания фужеров, закатил глаза и подумал: «Вот придурок! Надо управляющему сказать… Он всех гостей распугает!»

— Юноша, — вышел из себя невозмутимый Румянцев. – Вы что, не в курсе, что вначале принято подавать салат? Ну или… хм-м-м… на худой, как говорится, конец, жюльен?

Бармен аккуратно поставил фужер на стойку и, наклонившись, прыснул.

— Да, но… — Густые Реснички снова поднял ладонь к уху и, растопырив пальчики, как это делают гламурные девушки в своих видеоблогах, замер.

— Идите и принесите нам сначала салат, пожалуйста, — вежливо, но уже закипая, произнес Корольков. – А горячее чуть позже. Договорились?

Официант облегченно выдохнул и, явно пытаясь угодить, спросил:

— Соус*а* какие-то подавать?

— Чего? – вытаращили на него глаза оба посетителя. — Чего подавать?

— Соус*а*! – с достоинством профессионала глядя на них, ответил синебрючный.

— Это что еще такое? – выпалил доцент Румянцев. – Соус*а*?

— Но как же? – удивился официант, а бармен сделал движение рукой, пытаясь подозвать его к себе, потому что такого позора для заведения вынести уже не мог. – Соус*а*, к мясу…

Далее бармен с нескрываемым удовольствием наблюдал, как два взрослых и явно хорошо образованных мужика дико заржали, буквально держась за животы:

— А-а-а-а! – надрывался черноглазый. – Соус*а*! Лёха, ты слышал?

— Гы-ы-ы-ы! – вторил ему друг. – Не, Сань, я такого еще не слышал!

Придурок официант, на бэйдже которого значилось «СтанИсЛав», хлопал своими неправдоподобными ресницами и недоумевающе глядел на них. Бармен, которого тоже крючило от смеха, все-таки нарушил политес и позвал:

— Стас! Подойдите, пожалуйста!

Что он говорил Густым Ресничкам, история умалчивает, но, отсмеявшись, Корольков и Румянцев увидели возле своего стола девушку-официантку, которая принесла долгожданные тарелки:

— Добрый вечер! – приветливо сказала она. – Пожалуйста, ваш салат, — после чего, расставив тарелки поудобнее на небольшом столике и убрав пустые стаканы, добавила: — Повторить?

Мужики приободрились, явно найдя сочувствие в лице приятной молодой девицы:

— Светочка, — прочитав имя на бэйдже, начал Корольков. – А принесите нам бутылочку виски, пожалуйста. Ноль пятую.

— Виски подать того же купажа, что уже заказывали? – спросила понятливая Света.

— О да, детка, — довольно улыбнулся Корольков, думая о том, что наконец перестал испытывать некое иррациональное чувство неудобства, свойственное эмпатичным людям, которые наблюдают рядом с собой несуразных субъектов, подобных этому, прости господи, СтанИсЛаву: вроде и не ты, как говорится, облажался, а все равно стыдно.

Света быстро доставила на стол бутылку виски, новые стаканы, чистую пепельницу и, окинув взглядом сервировку, молча удалилась к стойке. Бармен выдохнул: можно было надеяться, что эти двое не напишут позорный отзыв на «Флампе». Корольков же с Румянцевым жадно накинулись на еду – оба были голодны, как черти, даже Корольков, несмотря на свои душевные терзания, пока не вполне понятные его другу. Немного перекусив, они одновременно закурили.

— Сань, ну так что? – вернулся к разговору Алексей. – Что ты сам-то думаешь?

— Лёх, знаешь… — Корольков затянулся. – Наверно, надо ей позвонить.

— А она что, тебе свой телефон оставила? – удивился Румянцев.

— Да я его всю жизнь помню, Лёх…

— В смысле? Сотовый? Тогда же не было… — начал было Лёша.

— Да зачем сотовый? – перебил его Корольков. – Домашний.

— Да ты что, Сань! Она могла сто раз переехать, поменять номер или вообще убрать городской. Сейчас все так делают, нафиг он кому нужен?

— Не-е-ет, Лёх, — задумчиво и как-то мечтательно протянул Саша. – Все на месте. И она, и городской номер. Я проверял…

— Как это? – вскинул брови Румянцев. – Ты уже позвонил ей?

— Да я это… — смущенно потер подбородок Корольков. – Зимой как-то… К тете Клаве ходил, картошки там им, моркошки, то-се… Ну и взял да набрал ее, когда в своей квартире был. Окна-то ее… прямо напротив.

— Так она в соседнем доме, что ли, живет?! – поразился Лёша. – Как так-то, Сань?

Саша тяжело вздохнул и начал, наконец, свое грустное повествование:

— Я пришел из армии и с ней во дворе случайно встретился. Ну мы так, были, конечно, знакомы, но больше шапочно: она на год младше училась. Красивая девчонка, но я как-то особо внимания не обращал. А тут, знаешь, разговорились, пока ее собачонка бегала, дела свои делала, а я на турнике болтался. И чем-то она меня зацепила, Лёх. В тот момент казалось, что ножки там, фигурка, то-се, под маечкой ничего, у меня аж слюни потекли… А потом пришел к ней вечером, переспал с ней, и все, как в омут какой-то. Такая оказалась милая, светлая, искренняя, что я утром уже не представлял, как раньше без нее жил.

Румянцев вздохнул:

— И что? Послала тебя?

— Да нет, Лёх… — вздохнул в ответ Саша. – Наливай.

Румянцев плеснул в стаканы, совсем немного, понимая, что на одном салате сильно закладывать за воротник пока не нужно. Молча выпив, Саша продолжил:

— Я ее бросил, Лёш. И теперь всю жизнь себе простить не могу этого.

— Но почему, Сань? – снова удивился друг. – Если все хорошо было?

— Да дурак потому что был! – с болью в голосе ответил Корольков. – Дурак, самонадеянный и самовлюбленный. Сначала думал: да ну нафиг, еще ни одной меня захомутать не удавалось! Потом стал думать иначе: завтра не пойду к ней, все, хватит… А ноги сами несли в дом напротив. Она улыбнется, обнимет, и все, я опять в этот омут. Потом стал понимать, что дать-то я ей ничегошеньки не могу… Гол как сокол. Как у того латыша: сам знаешь что да душа.

— А она что, из богатой семьи, эта твоя Катя? – спросил Лёша.

— Да нет, наоборот, — улыбнулся Саша. – Родители у нее своеобразных профессий: отец — журналист, правда, к тому времени умер уже. А мать – диктор на радио. Какое уж там богатство? Творческая интеллигенция.

— Ну да… — согласился Алексей. – И что? Она что-то от тебя требовала?

— Нет, конечно! Говорю же, светлая девочка, хорошая…

— И что тебе мешало быть с ней? – воскликнул Румянцев. – Сань, ты прости меня, конечно, но я искренне не понимаю…

— Да что тут понимать, Лёш… Я ж тогда амбициозный был, великим хирургом хотел стать.

— Сань, ну без ложной скромности, ты им и стал, — вставил Алексей.

— Ну уж великим — не великим, а стал, конечно, — согласился Саша. – Так вот. А выходило что? Я учусь в меде, куда, кстати, на тот момент еще восстановиться надо было. Работаю где? В больничке медбратом, иного нам было не дано.

— Не, ну почему? – возразил Румянцев. – Помнишь, как вагоны разгружали?

— Лёх, ну это разовые акции были, о чем ты? И вспомни, как нам в больнице платили и сколько. Выходит, если вместе жить, жениться там, не знаю… это – на ее иждивении значит. А я на это пойти не мог, да и сейчас, наверно, не смог бы. Я ж мужик.

— Ну да, Сань, тут ты прав, конечно. Нам-то с Танькой родители помогали, причем и ее, и мои. А у тебя что? Батя-пенсионер да сестрица твоя чеканутая, прости.

— Сестрица да… — протянул Саша. – За все детство машинки мне не подарила, какая уж там помощь.

— Она на сколько лет тебя старше, Сань? – спросил Лёша. – Я все забываю.

— На восемнадцать.

— Ишь ты…

— Ну. А вместе не жить – Катя бы все равно рано или поздно стала настаивать, как любая нормальная женщина. Ей бы семью захотелось, детей родить. А я бы уже прикипел, сам понимаешь, я же живой человек. А пока институт, пока ординатура… Не дождалась бы она. Ну это я тогда так думал.

— А сейчас?

— А сейчас не знаю, Лёш, что думать, — грустно ответил Корольков. – Всяко думал, за эти годы-то… Может, и получилось бы что-то, если бы ума хватило хоть рассказать кому-то, посоветоваться. Но что ты! Я же сам все развести должен был! И медицину я бросить на полпути не мог, с седьмого класса к этому шел. Дилемма вышла, и я ее решил… Придурок.

— Но ты хоть с ней объяснился? – с волнением спросил Лёша.

— Нет, конечно! Утром она спала, приболела как раз, и я ей всю ночь температуру сбивал. А потом ушел. Она спала, представляешь, не ожидала, наверно, ничего плохого, а я взял и ушел.

— Ну ты даешь! Не думал, что ты на такое способен, поговорить-то можно было с человеком, — поразился Лёша.

— Да! – как будто бравируя, воскликнул Корольков. – Подонок я, Лёш, вот что я тебе скажу. Наливай.

Мужики снова выпили, а бармен, заинтригованный столь пикантной историей, продолжал потихоньку натирать и без того прозрачные, словно слеза, фужеры.

— А сегодня, — продолжал изливать душу Корольков, — замылся, захожу в ординаторскую. Слышу, Светка – надо ж было именно ей трубку схватить! Сейчас вся больница обсуждать будет, что мне какая-то дама аж в ординаторскую звонила! – говорит кому-то: мол, а вот и он, подождите…

— А чего обсуждать-то? – не понял Алексей. – Ну мало ли нам пациенток звонит или родня какая…

— Да ты б мою рожу видел, Лёша, — возразил Корольков. – Когда я понял, что это Катя. Стою, как дурак, с этой трубкой, и не уйдешь никуда, телефон стационарный. За свои деньги, блин, куплю трубку нормальную! – в сердцах добавил он. – И девки все выпялились на меня, и такое, знаешь, молчание повисло в воздухе, они, по-моему, аж дыхание затаили.

— Н-да, представляю… — согласился Румянцев, который не понаслышке знал, насколько любопытны бывают их коллеги, особенно дамы.

— Ну и я что? – вздохнул Корольков. – Хрю да му… Что-то случилось, мол, Катя? А она: и да, и нет, Саша. И смеется. А потом записку мою, двадцать три года назад написанную, процитировала. Слово в слово, Лёш. По-латыни.

— Слушай, Сань, — неожиданно перебил его Алексей. – А у тебя фотка ее есть?

— Да ну, откуда? – удивился Саша.

— Блин, ну в сетях-то есть?

Корольков дико посмотрел на друга:

— Лёш, ты что? Меня нет в сетях…

— Но она-то, наверное, есть? – не отставал тот.

— Так откуда ж я знаю? Я туда не хожу. Когда мне? — упорствовал Саша.

— Даже в «Одноклассниках»? – недоверчиво спросил Алексей.

— Да нет, конечно! – воскликнул Корольков и подозрительно продолжил: — Ты, что ли, там есть?

— Ну есть… — смущенно признался доцент Румянцев. – Захожу иногда, с пацанами из Верх-Тулы поболтать, с которыми в школе учился. Меня Серёжка с Димкой зарегистрировали.

— Ну ты даешь, Лёша! – то ли с возмущением, то ли восхищенно воскликнул Саша. – Тут помереть в спокойной обстановке и то некогда, а он в «Одноклассники» ходит…

— Да я редко, Сань, — начал оправдываться доцент Румянцев. – Так, может, в выходные…

— Ну и что мне твои сети? – перебил его Корольков.

— Ну как что? – Лёша потянулся за своим телефоном. – Сейчас мы ее найдем и посмотрим. Ты ж не против?

— Ты что! – завопил Корольков. – Не надо!

— Что ты орешь, Сань? – успокоил его друг. – Мы анонимно. Не ссы.

Тот снова ошеломленно взглянул на Румянцева:

— А что, так можно?

— Сань, ну ты че такой темный-то? Девок молодых… это самое, а в сетях не бываешь! А вот твоя эта, как ее? Жизель?

— Сам ты Жизель! – возмутился Саша. – Совсем уже!

— Спросит, — невозмутимо продолжал Алексей. – Ах, котик, а что ты сегодня в сториз выложил? А ты чего будешь отвечать? Что такое сториз? Так она тебя сразу на три буквы отправит, пня старого!

— Да пошел ты! – в сердцах воскликнул Саша, вмиг почувствовав себя и вправду каким-то пеньком, а про себя, однако, подумав: «А ведь Лёха прав! Хватит уже, наверное, с молодыми мутить… И вообще, не превратиться бы в этакого стареющего мальчика в красных кроссовках!» и добавил: — Делать мне нехрена, по «Одноклассникам» шариться.

— Саня, я тебя, может, огорчу сейчас, — засмеялся Лёша. — Но по «Одноклассникам» шарятся как раз такие старые пни, как мы с тобой. Твои Жизели сидят в Инстаграм, чтоб ты понимал.

— Короче, Лёх, — перевел стрелки Корольков. – Хватит трындеть. Смотрим или нет?

— Давай, — скомандовал Румянцев. – Фамилия какая у нее?

— А точно не видно, кто смотрит? – с опаской уточнил Саша.

— Сань, ну ты че, прикалываешься? – снова удивленно воскликнул Леша. – Ну ты реально, что ли, не был даже в «Одноклассниках»?

— Да на хер они мне облокотились, «Одноклассники» твои! – вышел из себя доцент Корольков. – Я со своими одноклассниками живьем общаюсь, а не в этих ваших, блин, виртуальных реальностях! Смотри давай! Мороз Екатерина, с семьдесят первого года.

— А она что, фамилию не меняла ни разу? – удивился Лёша. – Девочки обычно замуж хоть раз в жизни выходят.

— Нет, — уверенно ответил Саша. – Она замужем не была.

— А откуда ты знаешь? – подозрительно спросил Румянцев. – Справки наводил?

— Знаю, — твердо сказал Корольков. – Есть данные.

— Ну-ну, — протянул Лёша. – Данные…

Поковырявшись в телефоне, он повернул экран к Саше:

— Эта, что ли?

Тот завороженно уставился в айфон:

— Да-а-а-а… Она… — он протянул руку: — Дай-ка.

Забрав у друга телефон, Корольков другой рукой достал из кармана очки и надел их. Потом долго смотрел на фотографию. Румянцев молчал, удивленно наблюдая за Сашей: лицо у того сделалось мечтательным и задумчивым. «Надо же, — думал Алексей. – И ведь столько лет скрывал, внутри себя все это носил, даже мне не рассказывал».

Между тем официантка Света, слышавшая разговор своих импозантных клиентов, сидящих за столиком номер два, удивленно прошептала бармену в самое ухо:

— Костя, а что, так бывает?

— Ну, как видишь, бывает, — ответил тот. – Ишь, любовь какая…

— Да я не про любовь! – махнула рукой Света. – Любовь-то как раз всякая бывает, вон, я недавно сериал смотрела, так там…

— А что тогда? – перебил ее Костя.

— Ну что сетями не пользуется никогда? – жарко зашептала Света. – Разве так бывает?

— О-о-о! Светик! – снисходительно протянул бармен. – Наивное дитя! Конечно, бывает!

— Но как? – поразилась Света. – Там сейчас все, даже бабушки старенькие и дедушки… А эти еще не очень старые, им лет по пятьдесят, наверно…

— Им по сорок пять–сорок семь, Света, во-первых, — начал Костя.

— Откуда ты знаешь? – вытаращила глаза официантка. – Ты паспорта видел?

— Нафига мне, Светик, их паспорта! – негромко воскликнул он. – Я людей насквозь вижу, постой с мое за стойкой… А во-вторых, я знаю много народу, кто сетями не пользуется.

— Да ну, — заспорила Света. – Так не бывает!

Многоопытный Костя снисходительно похлопал молоденькую Свету по плечику:

— Они врачи, серьезные врачи, скорее всего, хирурги. Сутками в операционной, я сам лежал с аппендицитом, так там в отделении докторов днем с фонарями искать надо: все на операциях. Потом. Они мужики грамотные и образованные, это видно по речи, по манерам. Значит, еще и преподают. Статьи разные такие врачи обычно пишут, у меня чувак знакомый – казалось бы, дерматолог, чего такого, а посмотришь поближе, так он в разных журналах публикуется, за границей в том числе, и между прочим, на английском! Доктор наук, а это надо два диссера защитить сначала… Таким людям, Светлана, реально некогда по сетям шариться.

— Да, но… — с сомнением произнесла девушка. – А как же они продвигают свои услуги?

Костя в ответ захохотал так громко, что обсуждаемые ими субъекты за вторым столиком оглянулись. Бармен прижал руку к груди — «Прошу прощения!» и продолжил поучать неразумную официантку:

— Светик, ты что? Ку-ку? Таким врачам себя продвигать и рекламировать не надо. К ним люди сами приходят, да еще и в очередь выстраиваются.

— А как они узнают о таких врачах?

— Сарафанное радио! Чью-то маму прооперировали, так весь микрорайон знать будет, какой замечательный доктор этот Саня. Или Лёха. Поняла, глупенькая?

— Но как-то не верится, Костя…

— Я тебе отвечаю, Света! – вышел из себя бармен. – Тебе сколько лет?

— Двадцать пять… — опустив глаза, прошептала Света. – Старая уже…

— Ага! – согласился Костя. – А мне, Светочка, тридцать семь. И я поболее твоего в этом кабаке работаю. Здесь серьезные люди бывают, и я видел много таких, кто про сети эти только понаслышке знает. И не потому, что они старые или какие-то ненормальные. Просто есть люди, которые реально работают, а не как планктон этот офисный, в «инсте» целыми днями фотки зырит.

Света слушала, слегка приоткрыв рот, до того странные вещи говорил Костя. Тот продолжал:

— Тут один клиент ходит, мужику лет пятьдесят. Он обычно обедает: бывает, один, бывает, с какими-то партнерами терки трет. Очень серьезный чувак, поверь. Там денег – как

у дурака махорки, чаевые оставляет нечасто, только если с кем-то и если ужинает. Зато такие, что, бывает, за день не соберешь. Так вот. Он в принципе компом не пользуется.

— Как так? – снова поразилась Света.

— А вот так! Я как-то насмелился, спросил. А он: на хер, говорит, он мне нужен, зрение портить! Мне если надо – у меня помощница есть, напечатает. А дела, говорит, решаются людьми, а не этими вашими… Как-то назвал еще так… Искусственными интеллектами, что ли. Я, говорит, пока человеку в глаза не посмотрю да нутром его не почую, ни копейки ему не доверю.

— Надо же… — протянула официантка.

— Да, Светик, — подтвердил Костя. – Еще один ходит, победнее, но тоже… У него портфель кожаный, и там документы, документы… Тот говорит, а как по сканам этим вашим увидишь, подлинный ли договор? Или печать не поддельная? Он вроде, я понял, адвокат, причем непростой какой-то, — бармен поднял голову и посмотрел на увлеченно вырывающих друг у друга из рук телефон клиентов за вторым столиком и кивнул Свете: — Иди давай, посмотри там, что и как, послушай, интересно же. Давай-давай, детка!

Света, поправляя белую блузку, послушно двинулась в сторону необычных во всех отношениях мужчин:

— Все в порядке? – улыбнулась она. – Как вы тут?

— Все хорошо, Светлана, — белозубо улыбнувшись в ответ, сказал лысый. – Несите, наверное, горячее. Да, Лёх? – обернулся он к другу.

— Конечно, несите! – обрадовался тот.

Света ловко поменяла пепельницу, успев заметить на экране телефона лицо красивой женщины. Подойдя к стойке, незаметно подняла вверх большой палец правой руки: «Во!» Костя кивнул, словно подтверждая: «Я так и думал».

Агата открыла входную дверь своим ключом и, войдя в квартиру, позвала:

— Мам! Мама! Ты дома?

Ничего не услышав в ответ, девушка, тем не менее, поняла, что мать здесь: из кухни доносились какие-то приглушенные звуки – то ли смех, то ли всхлипывания. Агата скинула кроссовки один об один, не развязывая – привычка, за которую вечно получала от матери, — прошла на кухню и остолбенела. Она никогда за всю свою двадцатидвухлетнюю жизнь не видела, чтобы человек так рыдал. Ее мама, Екатерина Николаевна Мороз, сидя за кухонным столом и уронив голову на скрещенные руки, не просто плакала – она выла.

«Человек не может издавать такие звуки», — с ужасом подумала Агата и кинулась к ней:

— Мама! – закричала она. – Мамочка, что случилось?

От ее быстрых движений на пол со стола улетела какая-то бумажка, девушка словно в замедленной съемке увидела, как она планирует, и обратила внимание, что бумажка выцветшая, как будто лежала долгие годы забытая, например, в книге.

— Подними, — замогильным голосом произнесла мать. – Бумажку подними.

Она оторвала голову от стола, и Агата увидела, что лицо ее опухло от слез, а глаза сделались словно щелочки.

— Мама, да что такое-то? – поднимая из-под стола листочек, снова вскрикнула Агата. – Что? С Региной что-то?

— С твоей бабкой все в порядке, — монотонно ответила Катя. – Ты прекрасно знаешь, она еще нас с тобой переживет, потому что всю кровь нашу выпьет…

— Тогда почему ты так рыдаешь?

— Прочти, — сказала она и показала на бумажку. – Прочти это, Агата, — после чего снова уронила голову на руки и завыла.

Агате сделалось страшно: она решила, что мать сошла с ума. А что, думала она, и очень даже запросто. С такой нервной работой, да еще Регина ежечасно мозг выклевывает – к старости стала совсем невыносимой, капризничает, требует внимания… Девушка стала читать:

— Nescio… Что за черт! Это по-латыни, мама! Quam spirare sinete… Чего-чего? – Агата была студенткой Медицинской академии имени Сеченова в Москве, перешла на пятый курс, посему латынь была ей, мягко говоря, знакома. – Не дышу… не дышать… Не знаю… Погоди…

— Не трудись, доча, — все тем же помертвевшим голосом сказала Катя. – Я уже перевела. «Я не знаю, как дышать без тебя».

— Что это? – изумленно спросила Агата, подняв свои черные – такие черные, что зрачков не видно, — глаза на Катю.

— Это написал один человек, детка…

— Я понимаю, что не конь, мама! – возмущенно воскликнула Агата. – Конь со своим копытом так не напишет, даже если очень захочет. И?

— А я его очень любила… — губы ее снова поползли куда-то в сторону. – А он… Ушел…

— Мам, да что ж такое-то, а? – Агата торопливо налила в стакан воды из кувшина. – На вот, сейчас же выпей! И валерьянки накапаю, погоди! Сорок капель.

— И я всю жизнь считала, что он меня бросил, а он… оказывается, написал… — рыдала Катя. – Написал! А я нашла… Только что… Двадцать лет коту под хвост! – закричала она. – Двадцать с лишним лет прошли просто так!

— Мама! Немедленно прекрати плакать! – попыталась вразумить ее Агата. – Мне страшно, что ты так рыдаешь!

— А мне хочется в окно выйти, доча, — неожиданно спокойным голосом ответила Катя, и Агата замерла от ужаса. – Вот просто взять и выйти. И если ты расскажешь обо всем этом хоть одной живой душе…

— Я никому не собираюсь ничего рассказывать! – девушка была напугана не на шутку. – Мама, объясни, наконец…

Катя несколько раз глубоко вздохнула, унимая рыдания, выпила валерьянку из рюмки, которую подала ей дочь, и, наконец, более или менее спокойно начала рассказывать.

— Мы с ним встречались, недолго…

— Когда? – перебила ее Агата. – Я уже была?

— Нет, донь, это было… еще до твоего рождения, — ответила Катя и продолжила. – Я очень, очень его любила. Он был такой… такой необыкновенный человек…

— Какой? Мама, пойдем, ты приляжешь, — вскинулась Агата. – Ну чего мы на табуретках этих…

— Пойдем, — согласилась Катя и заволновалась. – Где записка? Дай мне.

Агата протянула ей выцветший листочек, и Катя торопливо схватила его:

— Я уберу это сначала…

Они пошли в спальню, и Катя первым делом упрятала бумажку в шкатулку, а шкатулку – в ящик комода.

— Ну и? – поторопила ее дочь. – Ложись давай, а я рядышком…

Когда они улеглись, обнявшись, на Катину кровать, та снова начала рассказывать, изредка всхлипывая:

— Вот. Он такой был, знаешь… И добрый, и умный, и с юмором в порядке, и понимающий все… Бывает так, что с человеком на одной волне, объяснять ничего не надо: скажешь, а он только кивнет, потому что думает так же, как ты. Красивый…

Агата слушала, затаив дыхание.

— Очень, как сейчас говорят, харизматичный мужчина, хотя тогда мы, конечно, совсем молодые были, но все равно – мужчина. Сильный, смелый, самостоятельный.

— Но, мам, почему тогда?

— Погоди, девочка моя. Дай мне поговорить о нем… Никто про него не знает, Агата, никто.

— А тетя Аня с тетей Машей? – удивилась та.

— Они не знают, — спокойно ответила Катя.

— Мама, как?! – поразилась Агата. – Я всегда думала, что у вас нет секретов…

— Ну вот, как видишь, один есть, — вымученно улыбнулась Катя. – Много было причин, по которым я так и не рассказала им про этот свой роман. Сейчас это уже неважно. Просто было лето…

1993 год

То лето будто и не начиналось вовсе. В начале мая установилась погода, не похожая ни на что: небо было серое, деревья, вроде бы распустившиеся, но словно не до конца, — тоже серыми. Листья на них очень быстро из нежно-зеленых стали пыльными, серыми, тусклыми… Дождей не было, но постоянно казалось, что эти серые облака вот-вот превратятся в грозовые тучи, и начнется ливень, и не теплый, веселый, каким положено быть летнему ливню, а холодный, затяжной, с ветром, заворачивающим наружу края зонтов. Так прошел май, перемежая эту серую погоду сначала «черемуховыми» холодами, потом – «сиреневыми», когда приходилось доставать с антресолей оптимистично запакованные в коробки демисезонные сапоги и, выходя из дома, заматывать шею теплым шарфом.

Начался июнь, ветреный и холодный, и казалось, будто май и не заканчивался, и «черемуховые» холода вместе с «сиреневыми» пришли по второму и третьему кругу.

Катя подумала тогда: «Бессезонье какое-то…»

И правда, на календаре был уже июнь, а на улице — не то ранняя осень, не то поздняя холодная весна. Дни ее тянулись, один похожий на другой, ничем не запоминаясь. Утром Катя просыпалась и в первые секунды по привычке чувствовала себя счастливой: ей даже чудилось, что на ресницах играют солнечные лучики. Однако она открывала глаза, и снова видела серое небо, ветку тополя, царапающую оконное стекло, и промозглую спальню, почему-то переставшую в последнее время быть уютной и теплой. Настроение ее вмиг становилось мрачным, и Катя, злясь на весь мир, вытаскивала себя из-под одеяла и шла в ванную, чтобы хоть немного согреть не столько тело, сколько душу. Долго-долго, целую вечность стояла она под горячими струйками, но все никак не могла согреться: несмотря на то, что Катя вовсе не отличалась крупным сложением, этих тонких струек не хватало, чтобы обнять ее сразу всю. Поэтому она поворачивалась то одним боком, то другим, но, пока грелся один бок, второй от холода успевал покрыться мелкими противными пупырками. Почему-то в ванной, несмотря на наличие в кране горячей воды, было холодно. Катя долго не могла понять, в чем тут дело, пока не догадалась потрогать полотенцесушитель: он оказался ледяным.

Что-то случилось с трубами, догадалась Катя и даже позвонила в ЖЭУ по знакомому с детства номеру телефона. К ее удивлению, трубку сняли и, выслушав, пообещали прислать слесаря. Только стоить это будет, сказали в трубке, вот столько. И назвали сумму, равную половине Катиной зарплаты. Зарплаты, если бы она у нее была.

В марте Катя осталась без работы: в редакции газеты «Утренний город», где она трудилась корректором, прошло сокращение штатов. Новый главный редактор, строивший из себя современно мыслящего бизнесмена, решил избавиться от двух сотрудниц отдела корректоров – Кати и еще одной девушки, имеющей, как ни парадоксально, профильное филологическое образование, в отличие от старших по возрасту и, безусловно, опытных, но при этом обладающих знаниями в объеме средней школы, сотрудников. Мотивировал он столь мудрое решение тем, что, дескать, молодым проще будет найти себе другую работу.

Этот упырь не посчитался ни с тем, что обе были добросовестными и грамотными работниками, ни даже с памятью покойного Катиного отца, известного в городе журналиста Николая Мороза, который скончался за несколько лет до этого, и под чьим руководством этот самый новый главный начинал когда-то свою трудовую биографию.

Пряча глаза, он произнес несколько дежурных фраз о производственной необходимости и технологической перестройке процесса верстки, добавив в конце, что не оставит Катю без выходного пособия. Удивленно подняв ровные темные брови, Катя, студентка третьего курса заочного отделения Томского юридического университета, надменно спросила:

— А что, Анатолий Анатольевич, вы полагаете, могло быть иначе?

— Да! – агрессивно воскликнул тот, явно пытаясь вывести Катю на скандал. – Могло! Я мог уволить тебя по статье!

Ей хотелось схватить с огромного редакторского стола подарок мэра -тяжеленный письменный прибор, сотворенный из какого-то розового камня уральскими мастерами, — и разбить о его голову с грязноватыми зачесанными назад волосами. Ну или голову разбить прибором, это уж как фишка ляжет. Однако вопреки этому страстному желанию, Катя, в секунду превратившись одновременно в Снежную Королеву и королеву английскую, еще более надменно и презрительно ответила:

— Сомневаюсь, Анатолий Анатольевич, что на это хватило бы квалификации вашего юриста.

Вся редакция знала, что с новой юристкой главный спит, причем даже в собственном кабинете, не стесняясь ни вечерней смены выпускающей бригады, ни засидевшихся допоздна в творческом порыве журналистов. А юристка была баба ушлая и тертая: ее, естественно, привлекал вовсе не главный с его сальными патлами и залоснившимися на заднице штанами от дешевого костюма, а рекламные деньги, текущие в те годы в редакционную кассу рекой.

Юристку звали Лариса, и в целом она была деваха ничего. Невысокая, с пышными волнистыми волосами, постриженными в популярном стиле «под горшок», и довольно внушительной кормой, она вызывала известного рода интерес у мужской половины коллектива, особенно у ее творческой части. Слывший докой в вопросах женского пола политический обозреватель «Утреннего города» Жора Чердаченко пустил слух, что Лорка похожа на одну такую порноактрису, которая… Мужская половина, в большинстве своем про порноактрис только слышавшая, была заинтригована и требовала от Жоры подробностей, которые, видимо, и воспоследовали в узком кругу, вследствие чего вокруг юристки вырос ореол некоей порочности.

Главный же, по меткому выражению журналистки Таньки Адаменко, не видевший в жизни ничего слаще морковки, и вовсе от Лорика потек.

Отчество у нее было тоже некоторым образом порочное: звали ее Лариса Ивановна. Посему редакционные представители сильной половины человечества юристку иначе как «Ларысу Ыванну хачу» не называли, что также добавляло этакой кабацкой пикантности ее, по сути, не слишком привлекательному образу.

Самое парадоксальное заключалось в том, что у Ларисы имелся законный супруг – сокращенный из некоего благополучно почившего в бозе исследовательского института ученый муж при бороде и в стоптанных ботинках. Супруг занимался домашним хозяйством, а также, по слухам, разведением на балконе их двухкомнатной хрущевки то ли кур, то ли кроликов, да как бы чуть ли не коз. Кроме того, у юристки с ученым мужем имелось двое малолетних деток. Всю эту ораву, включая кур и коз, требовалось регулярно кормить, и, видимо, поэтому мадам юрисконсульт зарабатывала средства на пропитание своего выводка всеми доступными способами.

Надо отметить, что коллектив редакции газеты «Утренний город» статистически был не слишком молодым. Сотрудников, не достигших тридцатилетия, можно было пересчитать по пальцам одной руки: Катя, ее товарка по корректорскому цеху и по несчастью, постигшему обеих в виде сокращения штатов, Леночка, машинистка Валюшка, бессменная выпускающая

Таня да молоденький корреспондент, пишущий на криминальные темы под псевдонимом Станислав Лемов, он же – редакторский сынок Славик Волчков.

Славик был абсолютно бесталанен и катастрофически безграмотен, несмотря на то, что вырос в семье журналиста и учительницы русского языка и литературы. Катя могла на спор насчитать десять ошибок в одном предложении его корявых, как пробившееся сквозь асфальт дерево, заметок.

«В Дзержинском районе на улице имени проспект Дзержинского в неустановленное время автомобилем неустановленной марки был сбит переходящий дорогу в неположенном месте неустановленный труп мужчины, личность которого устанавливается», — писал Славик, получив от знакомых ментов сводку за ночь. Считалось, что корреспондент Волчков работает оперативно и, что называется, «с колес», посему к нему полагалось относиться с пониманием: молча исправлять все его чудовищные орфографические и синтаксические ошибки. При этом главный на планерках не уставал напоминать, что корректоры не должны лезть в стилистику авторов, поскольку это вовсе не их собачье дело, а дело выпускающего редактора. Наконец, распалялся Анатолий Анатольевич, есть в штатном расписании редакции такая должность, как главный редактор, и если кому-то необходимо постоянно об этом напоминать, то пусть эти кто-то откроют свои должностные инструкции и освежат память.

Юристка же обладала не только специфической внешностью, но еще и своеобразным дефектом речи: почему-то она путала звуки «к», «т» и, как ни странно, «с». Она могла сказать в столовке: «Тарелку тупа, пожалутта», чем вызывала приступы истерического хохота у стоящих позади нее в очереди рабочих. Но самым смехотворным было то, как она произносила имя-отчество главного: «Анаколий Анакольевич».

В этой связи ядовитый и циничный журналист Миша Смородинов – местное дарование, писатель, автор детективных романов и любимец женщин – рассказал историю о китаянке, которая долго и мучительно учила русский язык и таки выучила. Однако никак не могла понять, почему Толя – это Анатолий, а Коля – Николай, ведь, по ее разумению, должен быть Анаколий. И всякий раз, когда Ларыса Ыванна обращалась по имени-отчеству к главному, Миша не ленился напоминать ей о том, что шефа зовут не Коля, а Толя. Это вызывало раздражение и недовольство самой мадам юрисконсульта и прысканье, а то и откровенный хохот окружающих.

Остальные коллеги были еще, так сказать, «из бывших». Когда Катя пришла на работу в «Утренний город», а было это в 1988 году, в редакции происходили революционные изменения: верстку переводили на компьютер. В результате этих нововведений корректоры наконец сменили дислокацию: теперь они сидели не в грохочущем печатными станками цехе, как раньше, а в светлых и чистых кабинетах редакции. Катя наслушалась массу душераздирающих историй о том, как старослужащие «дышали свинцом» и «слепли» в холодном и шумном цехе, где для корректоров был выделен отгороженный закуток на антресолях.

Вообще Кате до начала ее трудовой деятельности казалось, что корректоры (профессионалы, кстати, с удивлением узнала она, произносили «корректор*а*») – это такие немолодые дамы в темно-вишневых шалях или оренбургских пуховых платках, с прическами в виде фиги и тоской о бездарно прошедшей молодости в глазах. Однако миф этот развеялся, как только Катя перезнакомилась с коллективом.

Корректор Гуськина только что вышла на пенсию, и ее Катя не застала. Зато услышала об этой даме немало интересного. Рассказывали, что Людмила Семеновна работала корректором в газете «Утренний город» всю жизнь: как пришла после школы подчитчиком (была такая должность – что-то вроде помощника корректора для сверки текстов при чтении вслух), так и осталась в редакции. Жила она в издательский общаге, но знаменита была не количеством проработанных в «Утреннем городе» лет, а достаточно облегченным, как интеллигентно выражался все тот же Жора Чердаченко, поведением. «Ну водила она, — закатывая глаза к

потолку и драматически понижая голос, объясняли Кате коллеги. – Водила, да часто. И сын у нее родился так никто и не знает, от кого!»

Но и это было не то, в связи с чем о корректоре Гуськиной вспоминали люди, проработавшие с ней десятилетия. Дело в том, что Людмила Семеновна не любила готовить, да и какая готовка на загаженной общежитской кухне! Завтракала и обедала она в издательской столовке (тогда сотрудники получали талоны на питание), а вот на ужин и на выходные покупала себе что-нибудь там же: обычно это были котлеты или гуляш с пюре, уложенные в банку, борщ в кастрюльке, принесенной из дома, ну и так далее. Однако следует учесть, что в те благословенные времена качество столовской еды частенько вызывало некоторые сомнения, посему корректор Гуськина вечерами обычно выпивала стакан разведенной в воде марганцовки. Чтобы, значит, наверняка.

Другой корректор, мужчина, которого звали, как ни странно, Мухиддин Захретдинович, обладал стопроцентной грамотностью. Родился Мухиддин в семье обрусевших узбеков и окончил ни много ни мало редакторский факультет Московского литературного института. Был он холост, жил все в той же общаге, что и Гуськина, и знаменит был своим занудством, по причине которого за него так никто и не пошел замуж, хотя невест в издательстве было пруд пруди. А еще он варил яйца. Когда Катя впервые услышала эту историю, не поверила: ну не может, подумала она, образованный человек творить такое, да еще на протяжении всей сознательной жизни. А дело было так. Мухиддин каждый раз с получки покупал шесть десятков яиц и варил их в кастрюле в течение часа. Это, объяснял он, дабы не испортились впоследствии. Затем упрятывал их в холодильник и каждое утро съедал на завтрак два. С ним Кате работать вместе тоже не пришлось: когда ее перевели в корректоры, Мухиддин уже ушел на заслуженный отдых. И слава богу, радовались за нее коллеги, потому что занудство его проявлялось более всего в работе. Особенно в процессе подчитки – ни одному из корректоров «Утреннего города» не удалось ни разу не уснуть во время чтения Мухиддином текстов вслух. Клевать носом начинали даже самые стойкие, за что жестоко расплачивались: Мухиддин не терпел такого неуважения и лишал провинившегося премии, поскольку был он начальником корректорского отдела.

В общем, из редакции Катю выперли, причем она справедливо полагала, что без руководящей роли юрисконсультихи тут не обошлось: той во всех молодых и симпатичных сотрудницах чудились конкурентки. Понятно, что в те страшные времена никто из журналистов за Катю заступаться не пошел: каждый боялся за свое место под солнцем.

Самым противным было то, что нужно было отработать два положенных законом месяца, чтобы получить выходное пособие и возможность зарегистрироваться на бирже труда. С отвращением пережив унизительную процедуру сокращения Катя, наконец, осмотрелась вокруг. И увидела себя в холодной квартире, без денег, без работы, без близких людей рядом (все подруги, как на грех, разъехались) и даже без теплой одежды. Она собиралась к осени накопить на хороший пуховик, потому что шубка, которую Катя из последних сил донашивала уже несколько зим, попросту развалилась.

Катина маман, Регина Ивановна Белозёрова, была особой эгоистичной и эксцентричной, посему на проблемы дочери ей было глубоко наплевать. Регина Ивановна всю жизнь служила диктором на местном радио, и голос ее знали и узнавали все жители города. С ней начиналось утро многих новосибирцев: «Доброе утро, товарищи! В эфире новости!» С ней же большинство горожан добирались до своих рабочих мест, поскольку именного голосом Регины объявлялись остановки метро и другого общественного транспорта. Голос ее был глубоким и выразительным, да и сама Регина женщиной была красивой и элегантной, однако любила она в этой жизни, судя по всему, только одну себя. Дочь с ее бедами и горестями только мешала гармоничному существованию мадам Белозёровой.

Именно по этой причине Катя с малолетства привыкла рассчитывать только на себя да на поддержку подруг. Аня Носова и Маша Борисова жили в соседнем доме и были Катиными ближайшими подругами. Однако в момент описываемых событий девочки разъехались из города – жизнь заставляла искать заработок, и обе укатили, оставив Катю наедине с холодной и пустой квартирой, безденежьем, серостью за окном и беспросветностью в поисках работы.

Маменька тоже укатила, но не в попытке заработать, а, как сама она утверждала, в творческом поиске. Какой творческий поиск мог быть у диктора местного радио, Катя никогда толком не понимала. Однако Регина, пользуясь тем, что председатель Новосибирского телерадиокомитета Василий Тарасович Походня человеком был слабохарактерным и с трудом переносил дамские истерики, вытребовала себе отпуск без сохранения содержания на три месяца и отбыла в Крым, где, по ее собственному выражению, должна была привести в порядок свои профессиональные задумки и мысли в целом.

При этом дочери, оставшейся фактически без средств к существованию, Регина Ивановна не оставила ни копейки. Катя, будучи человеком независимым, просить и напоминать не стала.

— Катенька, но как? – поражалась Аня. – Совсем не помогла тебе?

— Нюра, — усмехнулась Катя в ответ. – Ты как будто маму мою не знаешь, честное слово!

— Но это просто эгоизм какой-то! – качала головой Маша. – У тебя ведь даже зимней одежды нет!

— Да! – воскликнула Катя. – Зато она дала мне совет: ищи работу, Екатерина!

Подруги невесело рассмеялись.

— Ну ничего, девочки! – Катя достала из зеленой пачки сигарету «More» и закурила, шикарно пуская колечки дыма к потолку. – Я начала перешивать бабушкино пальто из натурального сукна.

— Все-таки решилась? – вскинулась Аня. – Молодец!

— Да, я уже распорола его и почистила ткань. Перелицую, будет отлично.

— А воротник? – заинтересованно спросила Мария. – Придумала уже?

— Да, каракуль возьму, — ответила Катя, – та шапка, тоже бабы-Ринина. Я сделаю английский воротник из каракуля и немного отделаю манжеты и карманы.

— Олеська поможет? Все-таки выкройку надо хорошую… — озабоченно протянула Аня.

Олеся была профессиональной портнихой и по совместительству троюродной Катиной сестрой.

— Конечно, поможет. А модельку я взяла ту, что на рекламе «Аэрофлота», помните? Международные авиалинии, там такие стюардессы в каракулевых шубках и пальто с воротниками…

Подруги закивали: что такое шитье и раскрой, они знали не понаслышке. Шили все, и только этим в те годы спасались, ведь денег на покупку вещей попросту не было.

Подруги разъехались, а за ними отбыла в творческую командировку маман, устроив Кате накануне отъезда чудовищный по своей нелепости и превышающий всякое вероятие по безобразию и громкости скандал.

К этому моменту Катя уже два месяца сидела без работы, и скудные запасы денег, оставленных «на черный день», подходили к концу не столько потому, что их было мало, сколько ввиду чудовищной инфляции, разрывавшей остатки экономики страны в клочья.

В ходу были какие-то странные цены, не миллионы еще, но и не сотни. Цены на продукты менялись каждый день, причем в одном магазине булка хлеба могла стоить триста рублей, а в соседнем, буквально за углом, двести, а то и сто пятьдесят. Килограмм мяса на кости стоил около двух тысяч рублей, а пакет молока – триста. Безумно дорогими стали вдруг сливочное масло и сыр.

Катя получала пособие по безработице, потому что сокращенным сотрудникам оно было положено. Но процесс этот был весьма и весьма условным – скорее, должна была получать, поскольку в первый раз ей удалось подержать в руках вожделенное пособие только по истечении четырех месяцев со дня его назначения. На еще из последних сил выживающих предприятиях и в учреждениях госсектора, которые тоже как-то работали, поскольку без них было бы невозможным существование исполнительной власти в стране, зарплату задерживали по полгода, так что говорить о вовремя выплачиваемом пособии по безработице не приходилось.

На кухне в буфете стоял НЗ в виде нескольких пакетов крупы, бадьи с тремя килограммами серой муки второго сорта, пакета сухого молока и пачки рафинада, оставшейся с лучших времен. В холодильнике болталось несколько яиц, стояла банка с квашеной капустой, другая – с засахарившимся вареньем. В морозилке гордо лежал кусок сала. Несколько картофелин и луковиц в ящике для овощей дополняли картину этого невиданного изобилия. Денег тоже оставалось совсем немного, и нельзя было даже предположить, на что конкретно хватило бы той суммы, которая лежала в секретере в гостиной, потому что цены менялись день ото дня. Поэтому невозможно было определить, что Катя сможет купить на эти деньги: пару кусков мяса или булку хлеба и литр молока.

Молоко привозили в цистерне «от фермера» и продавали в соседнем дворе. Те жители окрестных домов, которые остались летом в городе, с раннего утра тянулись с банками и бидонами к месту дислокации фермерской машины. Двор, в котором жила Катя, в то лето был особенно пустынным. Многие предприятия на лето закрылись, и люди жили на дачах, охраняя с самой весны драгоценные посадки, которые должны были превратиться в урожай. Но те немногие из соседей, кто остался в городе, — в основном, пенсионеры, не имеющие ни дач, ни родственников, — каждое утро шли к заветной фермерской машине.

Катя за молоком не ходила – стеснялась. Ну что это? Молодая девушка, да с бидоном, да с бабками в очереди… Частенько молоко покупала ей соседка Ирина – женщина взрослая, обремененная двумя малолетними детьми, которых растила одна, и не страдающая комплексами, подобными Катиному. Они с Катей очень дружили и помогали друг другу, чем могли. Ирина приходила к Кате звонить, потому что в ее квартире телефона не было, а в Катиной был. Иногда она оставляла Кате детей – Васю и Мусю, пока сама ездила на свой участок, где выращивала все – от ранеток до картошки. За урожаем следовало внимательно следить, потому что в те прекрасные времена его запросто могли украсть. Среди соседей периодически ходили леденящие душу рассказы о том, как целая семья осталась без зимних запасов, потому что буквально за ночь лихие люди выкопали на участке всю картошку и обобрали все кусты и грядки.

Ира кричала под дверью:

— Катерина! Ка-а-ать! Давай бидончик-то свой!

Катя открывала дверь и протягивала соседке эмалированный трехлитровый бидон кремового цвета с ягодкой на боку:

— А тебе точно самой не надо, Ир?

— Мы с детьми прогуляемся! Куда нам девять литров, сама подумай! – хохотала в ответ Ирина.

По неизвестно кем заведенному порядку молоко давали по три литра «в одни руки».

— Ну ладно тогда! – соглашалась Катя. – Спасибо тебе! Деньги на.

— Ага, — забирая у Кати из ладошки монетки и купюры на молоко, отвечала Ира. – Ты вечером стираться-то приходи, Кать! У меня и винцо подошло как раз. Я сегодня дома буду.

— Конечно, приду, Ириш, спасибо!

У Кати давно сломалась старая родительская стиральная машинка «Сибирь», и, поскольку починить ее было и некому, и не на что, стирать приходилось на руках. А у Иры в ванной красовалась «Вятка», по тем временам верх комфорта и настоящее облегчение для

хозяек. И пару раз в месяц Катя ходила к соседке стирать совсем уж крупные вещи – постельное белье, шторы, покрывала…

Пока волшебная «Вятка» крутила Катины простыни, они с Ириной блаженно курили на балконе, пили вино или просто болтали.

Уже дважды на Новый год Катя исполняла роль невидимого Деда Мороза для Васи и Муси. Ирина заранее прятала в Катиной квартире подарки, и в новогоднюю ночь Катя потихоньку пробиралась к соседской двери, подкладывала пакеты с подарками, звонила в дверь и скрывалась в своей квартире, после чего с тихой радостью слушала восторженные детские вопли:

— Мама! Смотри! Это, наверно, Дедушка Мороз нам оставил!

— Ну конечно, Дедушка Мороз! – фальшивым, как казалось Кате, голосом отвечала Ира.

— А почему он не зашел к нам в гости?

— Киса, ну ему же некогда! Столько деток, и каждому надо отнести подарки, вот он и звонит в дверь, а потом улетает дальше, к другим деткам. Вася, пойди, позвони тете Кате! Пусть она посмотрит, какие вам Дед Мороз принес подарки.

Дети кричали:

— Тетя Катя, тетя Катя, смотри! Дед Мороз принес нам подарки!

И Катя открывала дверь, всплескивала руками, охала и удивлялась, а потом они все вместе шли к Ирине, садились за немудрящий новогодний стол, смотрели телек, пили шампанское и морс, одним словом, праздновали, и было им хорошо и весело, легко и просто. Кате было радостно от того, что рядом есть такой человек, как Ира, да и та была искренне рада дружбе с соседкой. Однако Регина Ивановна не разделяла их взаимную симпатию и не упускала случая высказать Кате свое мнение об Ирине.

Так случилось и перед ее отъездом в Крым. Внезапно появившись на пороге Катиной квартиры, она провозгласила:

— Ну наконец-то мне все стало ясно!

Катя, сложив руки на груди и опершись о косяк двери в детскую, молча смотрела на мать.

— Да-да! – продолжала Регина Ивановна. – Мне все ясно! Сегодня ночью, — тут она многозначительно воздела глаза к потолку, – мне все показали!

Мать, страдающая бессонницей и, как подозревала Катя, неврастенией, часто не спала ночами. Бывало, что она забывалась лишь под утро и те сны, что видела в эти моменты, считала исключительно вещими.

Катя простонала:

— Мама, прошу тебя! Что опять?

— Нет, это я тебя попросила бы! – воскликнула та. – Попросила бы, Екатерина, чтобы ты, наконец, призналась матери!

— Господи, в чем? – поразилась Катя.

— Мне все показали! – подняла вверх указательный палец Регина. – Все! Эта паскуда Ирка вовлекла тебя в занятия проституцией!

— Что?! – Катя выпрямилась. – Что ты сказала, мама?!

— Да! Так вот куда она ездит по ночам! Так вот откуда в ее доме продукты и деньги!

По молодости Катя еще пыталась спорить с ней и что-то доказывать, хотя с годами поняла, что это совершенно бессмысленное занятие: мать считала свое мнение единственно правильным и верным. Однако тогда Кате было всего двадцать два года, и жизненного опыта для того, чтобы просто промолчать, еще не хватало, поэтому она завелась:

— А ничего, мама, что Ира ездит на дачу и в деревню к родителям и там пашет на огородах, как проклятая, чтобы прокормить себя и детей? Ничего, что она еще и на работе работает, и там тоже иногда деньги платят?!

— Ха-ха-ха! – изобразила сардонический смех своим красивым, хорошо поставленным голосом мать. – А ты? Девушка из хорошей семьи! Как могла ты пойти на такое?!

Одним словом, скандал вышел безобразнейший, с театральным заламыванием рук, топаньем ногами, хлопаньем дверями…

Когда еще был жив Катин отец, Регина часто устраивала мужу сцены. Так эти истерики интеллигентно называл сам Николай Сергеевич. Она могла запустить тарелкой в стену, а в те времена небьющейся посуды еще не существовало, поэтому запасы обеденной утвари приходилось пополнять с завидным постоянством.

— Ну что, доча, — вздыхал в субботу утром отец. – Пойдем в «Тысяча мелочей»? Опять наша мама сервиз порушила…

Так в Катином сознании закрепилась патологическая нетерпимость к неполным наборам, будь то посуда или столовые приборы: если должно быть шесть тарелок, значит шесть! С годами она стала воспринимать Регинины выходки гораздо спокойнее, однако так и не смогла охватить сознанием, как терпел все это папа.

Откричавшись, Регина отвалила к себе, сообщив дочери, что улетает в Крым на три месяца. Катя мысленно перекрестилась: «Какое счастье, — подумала она. – Целых три месяца никто не придет внезапно и без предупреждения в мою квартиру и не станет оскорблять меня и моих друзей!»

2016 год

— И что, мам? – Агата нетерпеливо ткнула ее в бок локтем, вернув к действительности. – Было лето, и что?

Катя, все так же мечтательно глядя куда-то вдаль, продолжила:

— Было лето, и в городе никого не осталось… Такое было чувство, что мы с ним одни на необитаемом острове.

— А как вы познакомились? – дочь с любопытством смотрела на нее. – Где?

— Он жил тогда в сорок шестом доме, — медленно ответила Катя. – Во дворе встретились.

— И? – Агата села на кровати. – Расскажи, мам! Почему ты так рыдала? Неужели правда это была любовь?

Катя молчала. Рассказать дочери подробности их с Корольковым встречи и первого, как, впрочем, и последующих свиданий она не могла, однако что-то говорить было нужно. Агата теперь не отстанет, она знала это точно, поэтому, вздохнув, Катя произнесла:

— Знаешь, девочка моя, мы с ним очень любили друг друга, но потом он все-таки ушел. И это было неожиданно, как удар поддых. Я долго не могла поверить, что он смог так со мной поступить… Ненавидела его, пыталась забыть. А с годами стала понимать, почему он так сделал.

— Почему же? – спросила Агата.

— Видишь ли, доча, он хотел стать врачом…

— Да-а-а? – удивилась та. – И каким же?

— Хирургом, — вздохнула Катя.

— Надо же! – воскликнула Агата. – Совсем как я!

— Ну ты не единственный человек в мире, Агата, кто мечтает стать хирургом! – наставительно произнесла Катя. – И вообще, врачей на земле пруд пруди…

— Ну и что? Дальше, мам! Мне интересно!

— Интересно ей… Ну и ушел он, потому что не мог бы в те годы содержать семью, денег тогда совсем не платили, даже если бы он работал. А работать мог только в больнице

медбратом, сама же понимаешь – студент меда. В медицине вообще все печально было, врачи во время операций в голодные обмороки падали.

— Я знаю, мам! – согласилась девушка. – Нам преподаватели рассказывали. Но при чем здесь это?

— Глупенькая! – улыбнулась Катя. – Он мужик настоящий, понимаешь? Не смог бы на шее у женщины сидеть. Ведь если бы мы были вместе, он бы учился, а зарабатывать пришлось бы мне, иначе никак. Жить-то на что-то надо было бы… Он бы так не смог, вот и бросил меня, пока не поздно, видимо.

— Но мам, он же не бросил… Он же вон что тебе написал! Кстати, откуда эта записка? Где ты ее нашла?

— Ох, доченька… — у Кати на глазах снова появились слезы. – Сережка… Та, «гвоздик» с бриллиантиком… Закатилась под комод в спальне. Я попыталась ее вытащить, линейкой там шерудила, но она не доставала до сережки. А больше под комод ничего не пролазит, он же почти на полу дном стоит.

— И ты отодвинула комод?! – поразилась Агата. – Но он же нереально тяжелый!

— Я вытащила из него все, — ответила Катя. – Ящики тоже вынула… Потом позвала Васю, и мы с ним вдвоем смогли сдвинуть его с места.

— Записка была под комодом? – нетерпеливо перебила ее дочь.

— Да нет же! – Катя махнула на нее рукой. – За эти двадцать с лишним лет я трижды делала в спальне ремонт и комод, конечно же, отодвигала! Под комодом была сережка, и я ее подняла.

— Тогда где?

— Вася задвинул комод на место, и я стала протирать ящики. Потом наклонилась, чтобы вставить в пазы нижний ящик, и вдруг увидела, что за доской, которая скрепляет дно, что-то торчит, какой-то кусочек бумаги…

— Ах вот оно что… — протянула Агата. – Понятно… Видимо, он написал эту записку и спрятал в комод. А ты ее тогда не нашла, так получается?

— Ну выходит, так, — согласилась Катя. – Наверно, бумажка как-то завалилась за ящик, а потом за эту доску… Одному богу известно, каким образом это могло произойти, доча… Но писал это совершенно точно он, я видела его тетради и почерк, конечно же, помню. Особенно по-латыни, он пишет как будто письменными буквами, но каждая буква отдельно, а строчную «г» пишет как печатную.

— А тетради-то его ты зачем рассматривала? – удивилась любопытная Агата.

— Он тогда готовился, — Катя чуть не проговорилась, что Корольков восстанавливался в институте, однако вовремя осеклась: ни к чему эти подробности, подумала она и продолжила: — к экзаменам.

— Поня-я-я-ятно… То есть ты всегда думала, что он бросил тебя? А сейчас нашла записку и поняла, что он ушел вынужденно?

— Ну как-то так, да, — согласилась Катя. – Не сейчас поняла, а, скажем так, мои подозрения подтвердились. И мне так лихо, что хоть волком вой! Я ведь так и не смогла никого полюбить…

— А мой отец? – с ревностью в голосе спросила Агата. – Его ты что же, не любила?

Это был тяжелый вопрос для Кати. О том, кто на самом деле был отцом Агаты, не знал никто, даже самые близкие подруги.

— Дочь, — Катя обняла Агату. – Твой отец погиб, ты прекрасно это знаешь…

— Погиб, но получается, что ты его не любила совсем?

— Доченька, я была тогда очень молодой… Вот как ты сейчас! И разобраться в своих чувствах еще не вполне могла. Это я сейчас понимаю, что любила в своей жизни по-настоя-

щему только одного мужчину. А тогда я не думала об этом. Твой папа был очень хорошим человеком, поверь.

Агата вздохнула и замолчала. Потом вдруг вскинулась:

— Мам!

— Что? – устало повела плечами Катя.

— Знаешь… По-моему, ты должна найти его!

— Кого? – не поняла Катя.

— Ну этого мужчину! Который записку написал!

— Что ты, доченька! – воскликнула Катя. – Он наверняка давно и счастливо женат, у него дети… Семья… Да и зачем ворошить прошлое?

— Ничего себе, прошлое! – возразила Агата. – Ты так плакала, что я подумала: кто-то умер! Какое же это прошлое! Раз тебе так больно…

— Агата, да он и не вспомнит обо мне…

— Нет, мам! – горячо сказала девушка. – Нет ничего случайного в этом мире! Ты не просто так нашла эту бумажку через столько лет! Я думаю, вам надо поговорить. Хотя бы просто поговорить, встретиться, посмотреть друг на друга…

— Доча, он помнит меня… Если вообще помнит… Молоденькой девочкой, а сейчас я…

— Что? – перебила ее Агата. – Что – сейчас? Ты очень красивая женщина, мама! Мужики оборачиваются тебе вслед!

— Ага, особенно на Центральном рынке! – засмеялась Катя. – Еще не все потеряно! Тетя Ира всегда шутит, что, мол, когда торговцы на рынке перестанут заигрывать, тогда и старость наступит.

— Да при чем здесь рынок! А в театре тогда… Этот, как его?

— Ой, вспомнила, — хихикнула Катя. – Это был мой бывший коллега, еще по «Утряшке»… Журналист.

— Ну коллега – не коллега, а смотрел на тебя, как кот на сало…

— Да ну тебя, Агата. Это творческая личность, он на всех баб так смотрит!

— А тот, в ресторане, когда тети-Машин день рождения отмечали?

— Ну еще я в ресторанах не знакомилась! – возмутилась Катя. – Не буду я его искать…

— Мама, нет! – Агата села на кровати и взмахнула рукой. – Надо его найти!

— Я не стану навязывать себя мужчине! – твердо сказала Катя. – Это неприлично!

— Да? – Агата картинно подняла брови. – А прилично так рыдать над пожелтевшим кусочком бумаги? Нет, мамочка, ты найдешь его и позвонишь! Это надо проговорить! Иначе не будет покоя, понимаешь?

В душе осознавая, что дочь права, Катя молчала.

— А если ты этого не сделаешь, — Агата схватила ее за руку. – Я сама его найду и приведу к нам в дом! Как его фамилия? Он же стал хирургом?

«Опаньки! – Катю буквально бросило в холодный пот. – Этого еще не хватало!»

— Хорошо, хорошо, Агата, — торопливо сказала она. – Я попробую его найти. Ты права, конечно…

— Завтра же, мама! Завтра же! – Агата встала с кровати. – Мы с девчонками погулять хотели… Ничего, если я пойду? Или побыть с тобой?

— Иди, доча, — махнула рукой Катя. – Конечно, иди.

— Но ты как? Ничего? Или снова плакать будешь? – Агата обеспокоенно посмотрела матери в лицо.

— Нет, не буду, — ответила та. – Буду думать, как его найти.

— Во-о-от! – улыбнулась девушка. – Это другое дело!

1993 год

Этот бритый наголо черноглазый красавчик с прекрасной фигурой понравился ей сразу, как только она увидела его в первый раз. Конечно, Катя видела Сашу Королькова примерно миллион раз до этого: они выросли в одном дворе и окончили одну школу – Саша на год раньше, Катя – за ним. Но когда в то июньское утро 1993 года она, сонно зевая, вышла во двор выгулять Малышку, увидела его словно впервые. Катя сразу его узнала и вытаращила глаза: после армии Корольков стал еще интереснее!

Саша подтягивался на большом турнике в углу двора, и мышцы его играли под тонкой майкой. «Ничего себе! – подумала Катя. – Вот это мужик!»

— Са-а-ань! – окликнула она, отпуская собаку с поводка. – Привет!

— О, Катя! Привет! – ответил он и спрыгнул с турника. Высоко задрав на себе футболку, он вытер пот со лба.

Катя оторопело уставилась на смуглый и мускулистый – вон, каждый «кубик» прокачан! – живот и широкую грудь. Успев, однако, вовремя отвести взгляд, она спросила:

— Ты уже все? Вернулся?

— Ага, — ответил Саша, белозубо улыбнувшись. – Откинулся.

— Как быстро время идет… — протянула Катя. – Два года! А как будто вчера тебя провожали…

— Да нифига не быстро, Кать! – усмехнулся он. – Мне долго показалось. Два года потерял, сейчас бы уже в ординатуру поступал!

— Будешь восстанавливаться? – спросила она.

Несмотря на то, что Катя почти не общалась с Корольковым – так, привет-пока, — у них было много общих знакомых, и она знала, что Сашу отчислили из медицинского с четвертого курса. Это было достаточно странно, потому что все знали, что Корольков мечтал стать врачом еще с седьмого класса и очень целенаправленно к этому шел. Однако Катя в подробности не вдавалась, слишком уж шапочно они были знакомы.

— Конечно! – ответил он. – Вот, сижу, учу целыми днями.

Он внимательно смотрел ей в лицо, и Катя смутилась: словно бы потеряв собаку, стала оглядываться по сторонам, боковым зрением, тем не менее, не упуская из вида Сашу. Корольков же, как только она отвела глаза, уперся взглядом в ее грудь: под тонкой майкой без рукавов настолько откровенно и роскошно не было даже намека на белье, что Саша, в свои двадцать три года считавший себя искушенным и опытным мужчиной, вдруг почувствовал, что краснеет. Катя, конечно же, уловила его тяжелый взгляд и улыбнулась, подумав: «А почему бы и нет? Вон какой он красавчик, с ума сойти!» Вслух же произнесла:

— И что, ты прямо целыми днями и вечерами учишь?

— Нет, — сглотнув, ответил Саша. – Отдыхаю иногда…

— Приходи ко мне, поболтаем! – Катя запахнула ветровку, и он с сожалением отвел, наконец, от нее взгляд. – В городе никого, Саш! Мне словом не с кем перемолвиться буквально! Хорошо, что ты приехал…

— Я забыл, — хрипло перебил он ее, – какая у тебя квартира?

Она подумала: «Э! А парень-то совсем поплыл… ну неудивительно, только из армии…» Однако Саша снова посмотрел на нее, и его взгляд был настолько… мужским, что Катя даже осеклась:

— Сто двадцать вторая, Сань, — быстро ответила она. – Пятый этаж…

— Ла-а-а-адно… — протянул он. – Во сколько?

— Да хоть во сколько, — улыбнулась Катя. – Вечером и приходи, прямо сегодня! Я дома буду.

— Пойду я, Кать, — Корольков улыбнулся ей в ответ. – А то ветер, а я мокрый весь. И ты иди, холодно, а ты полуголая шастаешь. Простынешь еще… Погоды тут у вас, конечно…

— Ой, гляди-ка! – засмеялась Катя, сделав вид, что пропустила мимо ушей слово «полуголая». – У вас, главное! А у вас? Ты где служил-то?

— На Кавказе, в Пятигорске, — ответил он.

— Да ладно! – неинтеллигентно воскликнула Катя. – Прямо там?

— Ага, прямо там. Я тебе потом расскажу.

— Ничего себе! – поразилась она. – Я и не знала…

— Да ты не бойся! – засмеялся Корольков. – У меня крышак на месте! Я «там» всего два месяца был, в полевом госпитале, а все остальное время в Пятигорске.

— В смысле, в госпитале? – не поняла Катя.

— Ну я же санинструктором служил, после четырех курсов, — объяснил Саша.

— Это как медбратом что ли?

— Ну что-то вроде того… — согласился он. – Все, я пошел, а то замерз уже. До вечера!

— До вечера, — ответила Катя. – Пока!

Он пошел к своему подъезду, а Катя, пристегивая на поводок подбежавшую собаку, исподтишка наблюдала за ним.

«Какая у него походка, — думала она. – Сексуальная… И ноги… Такие, каким и положено быть у хорошего спортсмена – длинные, стройные, прокачанные и совсем чуточку вкривь… Ох…»

Тут ей стало совсем дурно, до того он ей нравился, и она в панике подумала: «А вот возьмет и не придет ко мне вечером! Что я стану тогда делать с этими мыслями? Бегать, что ли, за ним?! Да никогда в жизни я парням на шею не вешалась, вот еще! Елки-палки! Так, надо дома прибрать и себя в порядок привести! Тот комплект, бело-розовый, очень хорошо, что не затаскала, потому что он под светлые вещи, а на улице холодно еще! И халат… Фух, только вчера постирала, подгладить осталось… И постель чистую постелить, обязательно!»

И Катя торопливо пошла к дому, словно Корольков должен был прийти к ней не по прошествии целого дня, а через полчаса.

Поднявшись домой, Катя первое время металась по квартире, то хватаясь за тряпку и пылесос, то, пробегая по коридору, критически оглядывала себя в зеркало, неслась в ванную и судорожно вытаскивала из шкафчика, чтобы не забыть, все новые и новые бутыльки и тюбики.

Однако через некоторое время, выкурив на лоджии пару сигарет, взяла себя в руки. Лоджия выходила на противоположную от Сашиного дома сторону, и, хотя соседка Евгения Тимофеевна вечно ругала ее за курево, сейчас Катя знала, что Корольков точно не увидит, как нервно она прикуривает одну от другой… «Решит, что я волнуюсь! – подумалось ей. – Еще чего!»

Тем не менее мысли ее тут же побежали в другом направлении: «Слава богу, — с облегчением думала Катя. – Маменька уехала, да надолго, и никто нам помешает ни звонками, ни присутствием».

Кузина Олеся часто приезжала из Колывани и, набрав заказов, подолгу жила у Кати. Вдвоем девушкам было веселее, да и совсем небольшая разница в возрасте между ними только способствовала их душевному согласию. Благо места хватало обеим: Кате от родителей досталась трехкомнатная квартира. В бывшей детской обустроили что-то вроде швейной мастерской, отгородив прозрачным стеллажом угол с диваном и небольшой тумбочкой – там Олеся спала. Катя же окончательно переехала в комнату, которая раньше служила спальней ее родителям.

Но, как бы прекрасно девчонкам ни жилось вместе, сейчас Кате хотелось быть одной. На всякий случай она позвонила в Колывань и уточнила, не собирается ли сестрица в ближайшее время прикатить в гости. Та не собиралась по причине назначенной на август свадьбы своей одноклассницы: Олесе предстояло обшить колыванских подружек к этому эпохальному событию.

— Ой, Катька! – щебетала она в трубке. – Заказов набрала! Просто супер! Не знаю, как успею! Тебе-то ничего, синее платье подождет? Как приеду, сошью, Кать!

— Да ничего, конечно, — согласилась та. – Оно же не летнее! Ну ты если вдруг ко мне соберешься, позвони, ладно?

— Ка-а-а-ать? – вопросительно протянула Олеся. – У тебя что, кто-то появился?

— Да нет, что ты! Кому тут появляться… Город пустой, — суеверно соврала Катя сестре, с которой обсуждала порой такие интимные подробности своей личной жизни, что, узнай об этом другие участники подробностей, придушили бы обеих.

— Ну-ну, — не поверила Олеся. – Не хочешь – не говори. Конечно, позвоню, Кать. Пока!

Положив трубку, Катя поняла, что никак не может унять охвативший ее мандраж.

«Да что ж такое-то! – раздраженно думала она. – Никогда я так не волновалась, даже перед экзаменами в институт… Хотя нет. Перед экзаменами, конечно, волновалась, но как-то по-другому. А здесь аж сердце останавливается, как подумаю, что он не придет… Хотя, если придет, тоже останавливается…»

Она снова вышла на лоджию, еще разок покурила и, собравшись, наконец, с мыслями, взялась-таки за уборку. С учетом того обстоятельства, что Катя уже несколько месяцев не работала, порядок в квартире был практически идеальный: так, полы протереть да пару тарелок сполоснуть.

Мысли ее метались, как птички в клетке. Наконец, Катя решилась. «В конце концов, живя одна, я имею право не застилать постель, тем более, кровать стоит не в красном углу в гостиной, а в специально отведенной для сна комнате, — думала она. – Дверь прикрою. Наполовину. На всякий случай».

Снова выскочив на лоджию, — а, семь бед, один ответ, пусть Евгения Тимофеевна хоть на какашки изойдет, — Катя покурила еще разок и пошла, наконец, в ванную.

Вспомнив знаменитую гетеру Таис Афинскую и то, сколько времени ушло у них с подружкой Эгесихорой на подготовку к встрече с юным Александром Македонским и его верным Птолемеем, Катя испугалась, что до вечера не успеет. А еще с Малышкой надо выйти! Стрелки часов с кукушкой, висящих в проеме между гостиной и спальней, показывали два.

Ускорившись по максимуму, к шести часам Катя была, по ее собственному выражению, готова к употреблению. Чистые душистые волосы уложены на макушке высоким узлом, но несколько прядок выпущены наружу, словно Катя только что второпях заколола волосы наверх. Дилемма – заколоть их или оставить распущенными – длилась практически все четыре часа, которые Катя провела в улучшении себя. Она то распускала длинные локоны, то снова поднимала вверх, прихватив шпилькой с красивым, «под слоновую кость», наконечником.

«Заколю, — размышляла она, — подумает, что строгая какая-то и что вправду я его поболтать пригласила. Распущу – скажет: вот бесстыжая девка… Что ж такое!»

Потом догадалась все-таки, нашла компромисс в виде нескольких небрежных прядок, слегка подвила их плойкой — и вышло чудесно.

Кожа, подвергшаяся за эти почти четыре часа воздействию нескольких масок, сияла. На юном прекрасном теле не осталось ни единого лишнего волоска – совсем как у Таис Афинской, а ноготочки на руках и ногах сверкали свежим маникюром. Надев тот самый бело-розовый комплект – трусишки-стринги и кружевной бюстгалтер, — Катя засмотрелась на себя в зеркало:

— Хороша! – произнесла она вслух. – Чудо, как хороша!

Однако не в трусах же и лифчике его встречать: со вздохом Катя накинула шелковый халатик-кимоно и в который раз посмотрела на часы:

— Вот ду-у-у-ура! – ругнула она свое отражение. – А если он возьмет и не придет?

Распрощавшись с Катей, Саша пошел к своему подъезду, спинным мозгом ощущая на себе ее взгляд. Дыхание его сбилось, и, если бы он вздохнул в этот момент, Катя заметила бы

это, поэтому он шел через двор, стараясь не дышать. Насчет походки не переживал, потому что знал, как его манера двигаться нравится женщинам: «Она смотрит на мою задницу, — думал Корольков. – Ну и хорошо, пусть смотрит, задница у меня что надо!»

В подъезде, выдохнув, наконец, он припустил через две ступеньки на третий этаж. У него тоже начались терзания по поводу предстоящего вечера, но они были несколько иного толка, нежели Катины.

По поводу личной гигиены он лишь вскользь подумал, что перед выходом примет душ и почистит зубы.

«А что еще мужику надо-то? – размышлял он, — Ногти у меня в порядке, слава богу, никакой дряни, вроде грибка, я в армии не подцепил… Голову я побрил только что, перед выходом на утреннюю пробежку и блистательную гимнастику на турнике во дворе. А вот что делать с бородой? Катя видела меня небритым. Побреюсь – скажет, вот придурок, готовился. Не побреюсь – исколю ее всю, бедную, у меня же щетина, как наждак номером двадцать! Опять же… Может, она ничего такого и не планирует? Ага, как не планирует! Смотрела меня, раскрыв рот… А бюст у нее – офигеть…»

Тут Корольков совершенно перестал себя контролировать и очнулся, когда услышал собственное прерывистое дыхание.

— Да что ж такое! – воскликнул он вслух, а про себя продолжил размышлять:

«Ладно, с бородой решу потом, есть проблема поважнее».

Прилетев домой неделю назад рейсом Минеральные Воды – Новосибирск и побыв первый день с отцом, который от радости все обнимал его и хлопал по плечу, Саша, конечно же, нырнул в общагу, где получил несколько порций простого и веселого студенческого секса. «Не очень-то и хотелось, конечно, — думал он. – Но вроде так положено… Считается, что из армии все возвращаются оголодавшими и дикими».

На самом деле у Королькова не было с этим проблем: полтора года из двух он прослужил в окружении довольно большого количества представительниц лучшей половины человечества. Медсестры и военврачи, поварихи и бухгалтерши, а еще библиотекарь – пожилая девушка с умопомрачительным именем Ярославна Богдановна, которая была влюблена в санинструктора Королькова не на шутку… В госпитале было очень много женщин!

И все они, за исключением, пожалуй, только нескольких, совсем уж преклонного – за сорок! – возраста, на стройного черноглазого сержанта заглядывались: выбирай любую. Собственно, он этим и пользовался – нечасто, но с большим удовольствием.

Словом, в общагу-то он нырнул, традицию, так сказать, поддержал, но вот теперь после этого нырянья презерватив остался всего лишь один.

В те благословенные годы, как известно, в страну хлынул поток импорта, в том числе средства контрацепции. Много лет спустя, когда Саша в курилке рассказывал эти байки молодым коллегам, те попросту не верили, однако говорил он чистую правду. В начале девяностых в продаже появились китайские презервативы. Они были отменного качества, в отличие от отечественных, но продавались в элегантных коробочках только наборами, по девять штук, а именно: три штуки были диаметром 31 миллиметр, три – 33 миллиметра и, наконец, еще три – диметром 35.

Про первый, так сказать, размер, говорить было просто смешно: Саша ни до появления их в продаже, ни много лет спустя после не видел и даже вообразить себе не мог ни единого представителя человечества мужского пола, которому бы могли прийтись впору эти… хм… напальчники.

Отец как-то на днях, вернувшись с дачи, где умудрился сильно поранить палец, загремел с порога:

— Санька! У тебя там, я видел, гондоны остались мелкие! Дай один, я палец порезал, мать его!

Саша, обработав отцу рану и воспользовавшись изделием из элегантной коробочки в качестве напальчника, чтобы закрепить повязку, осторожно поправил:

— Бать, не гондоны, а презервативы…

— Да какая разница! На кого их делают-то такие! – снова возмутился отец.

Второй вариант – 33 миллиметра – Саше тоже не подходил. Из двух комплектов, купленных в ближайшей аптеке на Гоголя, в наличии остались шесть штук второго «номера» и один нормальный, 35 миллиметров. Первый же «размер» Саша полностью презентовал отцу – тот отвез их на дачу в аптечку:

— Вдруг еще палец пораню, — со смехом провозгласил он, разглядывая диковинные пакетики.

«Н-да, — размышлял Корольков. – Один всего. А вдруг одного мало будет? Что тогда? В аптеку бежать? А если опять тетя Таня, мать Наташки из второго подъезда, будет дежурить? Хоть сейчас пойду, хоть вечером? Она на меня и так, как на маньяка, посмотрела, когда я два набора покупал неделю назад… Опять же, чего это я размечтался – одного мало… Она, может, вообще не собирается ничего такого? Ну как не собирается, — возразил он сам себе. – Смотрела-то она на меня… Тут меня не проведешь, я эти взгляды женские знаю! Что ж делать-то? Ехать в другую аптеку неохота, да и не факт, что они там есть! Поди, только советские лежат на витрине, те, на которые еще пацанами бегали смотреть, слюни пускали… А они же бронебойные, как резиновые перчатки, в которых сантехники работают.

И опять же, — продолжал терзаться Саша. – Куда я его положу? Карманов-то нет, только на трико. А в трико будет видно, там ткань тонкая. Вот классно: пришел, такой, к девушке в гости, она ни сном ни духом, а у самого из кармана гон… то есть презерватив торчит…»

У Королькова были еще джинсы — классные, но на «болтах». И это создало очередную дилемму: если Катя не собирается «ничего такого», то можно и джинсы на «болтах», там карманов куча, хотя в этом случае изделие китайских мастеров и не понадобится. А если собирается? Тогда джинсы создадут большое препятствие на его пути: Корольков живо представил себе, как в самый ответственный момент путается пальцами в «болтах»…

«Н-да, не вариант… — снова задумался он. – Придется идти в трениках – милое дело, скинул их вместе с трусами, и готово. Но что же делать с жестким пакетиком? Не брать его совсем? Нет, так дело не пойдет! Я иду к приличной девушке, и, как честный человек, должен предложить ей средство контрацепции! Ладно я чистый, но ведь от этого, как известно, еще и дети бывают… Может быть, конечно, у нее есть в запасе презервативы?»

От этой мысли ему почему-то сделалось противно: что же это, она, значит, еще с кем-то, кроме него, могла… быть?

Обозвав себя ревнивым козлом, Саша совсем приуныл. Однако к концу дня обе дилеммы исчезли – его мозг выдал решение. Посчитав, он вспомнил, что сегодня как раз пятый день с того момента, как он брился, и значит, к вечеру жесткая щетина превратится в мягкую пятидневную бородку, которая, к тому же, идет ему необыкновенно.

«А пакетик с презервативом, — обрадованно подумал он, – я положу внутрь свернутого носового платка, вот как я сделаю! А носовой платок в кармане – ничего такого!»

Настроение улучшилось, однако остался еще один вопрос: во сколько начинается вечер? И снова цепкая память напомнила: где-то далеко на антресолях должна быть книжка о хороших манерах. И в ней точно было что-то о том, когда надо говорить: «Доброе утро!», а когда: «Добрый вечер!»

«Точно! Сейчас достану!» – решил Корольков и полез на балкон за стремянкой.

Кое-как выудил он из залежей всякого барахла искомый фолиант, из которого и выяснил, что «вечер» начинается в семнадцать ноль-ноль.

«Нет, — подумал он. – В пять рано. Пойду к семи».

По Катиным же подсчетам, вечер начинался в шесть. К этому времени улучшать в себе было уже решительно нечего, и Катя, как на иголках, слонялась по квартире, поминутно посматривая на часы. Курить хотелось катастрофически, но выходить на балкон, который буквально упирался в окна Сашиной квартиры, она считала ниже своего достоинства. На лоджии же, в дальней комнате, могла не услышать звонок в дверь. Наконец Катя додумалась: открыв настежь окно в «детской», задернула его плотной шторой, оставив щель сантиметров в десять шириной. Через нее, если встать чуть боком, прекрасно обозревался участок двора, по которому Саша должен пойти. И курить в эту щель было очень удобно.

Однако Кате пришлось выкурить не одну сигарету и не один раз пройтись по квартире, проверяя, все ли в порядке, пока, уже потеряв всякую надежду и, обозвав себя дурой, она, наконец, не увидела Сашу, идущего через двор. На часах было без десяти семь.

Сердце подпрыгнуло к самому горлу, щеки залил румянец. Катя в который раз поразилась собственной реакции: она никогда в жизни никого не ждала так нетерпеливо и никогда в жизни не испытывала такого волнения!

Она увидела, как Корольков скрылся под козырьком ее подъезда, и подумала, что вот сейчас, через пару минут, он позвонит в дверь. Однако на лестничной площадке было тихо. Думать же о том, что все ее мечты о Саше были напрасными, не хотелось. Она метнулась к окну – нет, не видно… А может, он просто шел мимо ее дома и не планировал подниматься к ней? И, скрывшись под козырьком подъезда, завернул за угол, и идет себе сейчас своей сексуальной походкой в сторону улицы Гоголя?

От этой мысли ее бросило в жар, и она побежала на лоджию – проверить, не подтвердится ли эта страшная догадка, и не видно ли Сашу с другой стороны ее дома. Нет, тоже не видно, только если он преодолел открытый участок за углом бегом? Но эта версия показалась ей совсем уж фантастической, Катя зашла с лоджии обратно в спальню, и тут услышала звонок в дверь. Сердце опять прыгнуло вверх, и она, торопливо огибая кровать, стоящую поперек узкой, как кишка, спальни, конечно же, зацепилась мизинцем левой ноги за кроватную ножку…

Удар был такой силы, что Катя решила: перелом обеспечен! Шипя от боли, на одной ноге она подскочила к двери и, не забыв, однако, посмотреть в глазок – вдруг там вовсе не Саша, а бандит с топором, — повернула замок. Ушибленную ногу она, конечно, опустила, но, видимо, взгляд ее оставался еще диким, потому что Саша, посмотрев на нее с некоторым удивлением, произнес:

— Ты чего это?

Выдумывать что-то на ходу у Кати не получилось, поэтому она, смеясь и одновременно морщась от боли, ответила:

— Палец ударила… Заходи.

Корольков вошел в квартиру, закрыл за собой дверь и один об один снял кроссовки. Шагнув к Кате, он хотел было спросить, что там стряслось с ее пальцем, но увидел совсем близко зеленые смеющиеся глаза, смешно сморщенный красивый носик, глубокую ложбинку в вырезе короткого шелкового халатика и смог произнести только:

— Иди сюда, козочка!

Катя тоже сделала шаг ему навстречу и шепотом спросила:

— Почему козочка?

— Потом объясню, — ответил он и, обхватив ладонью ее хрупкий подбородок, поцеловал.

Его поцелуи оказались такими пряными и жаркими, нежными и развратными, что Катя, потрясенная его напором, только и могла что таращить свои зеленые глаза. Никто за ее двадцатидвухлетнюю жизнь не целовал ее так жадно и так бесстыдно.

Оказавшись в ванной, она поняла, что из одежды на ней только шпилька в волосах, и удивилась тому, что даже не заметила, как Саша ее раздел. В зеркало же на себя она посмотреть так и не смогла – было страшно и неудобно. «Неужели вот только что… там… прямо на пороге… это была я?» – думала она, а потом думать уже больше не могла, потому что, как только она вышла из ванной, Саша подхватил ее и унес в кровать.

На часах, стоящих в спальне на пианино («Почему инструмент в спальне?» — удивленно подумал он) было почти десять вечера, когда Корольков смог хоть что-то сказать:

— Ка-а-ать? – позвал он. – А чего ты меня не через неделю в гости позвала, а? А всего лишь вечером? Сначала мы без лифчика по улице разгуливаем, а потом мужика только вечером в гости…

Катя, улыбаясь, смотрела на него во все глаза.

— Чего смотришь? – продолжал он. – Лифчика лишнего нет, под маечку напентырить?

— Саш!

— М-м-м?

— А почему ты меня козочкой назвал?

— А потому, что ты козочка и есть! – засмеялся он.

— Как это? – Катя вскинула бровь.

— Так это. Ножки у тебя, как у козочки – тоненькие, длинные… Лодыжки стройные. Ты не потолстеешь никогда. Женщины, у которых такие лодыжки, не толстеют. Поняла?

— Откуда ты это знаешь? – немного ревниво спросила она.

— Из книг, птичка моя, из книг…

— Конечно! Из книг! Это где такое в книгах написано, интересно? – возмутилась Катя.

— Кать, правда… Когда много читаешь, все же остается в голове. Не помню, где мне это попадалось про женские лодыжки, но точно у кого-то из великих, — задумчиво произнес он.

— А ты много читаешь, Саша?

— Да, — серьезно ответил он. – Я вообще без книг не живу никогда. Всегда что-то читаю.

— Я тоже… Иногда две книги сразу, — призналась Катя. – Одну в спальне, другую – на кухне.

— А мне в армии трудно было без книг, — сказал Корольков. – Совершенно нечего было читать. В госпитале была библиотека, конечно, но там одни детективы…

— А я думала, — лукаво усмехнулась Катя, – что в армии без другого трудно.

— Без чего? – не понял он.

— Без женщин, вот без чего! – выпалила она.

— Глупенькая ты, девчонка еще совсем, — нежно проведя пальцем по ее щеке, медленно произнес Саша.

— Тоже мне, нашелся взрослый! – обиделась Катя. – Ты всего на год старше меня!

— Да дело не в возрасте…

— А разве я не права? – снова с обидой в голосе спросила Катя. – Ты хочешь сказать, что у тебя и в армии так же… было?

— Так же – нет, не было, — осторожно ответил Саша, почувствовавший, что от ревности она сейчас расплачется.

— А как было?

— Катюш, ну чего ты? – прошептал он. – Зачем этот гнилой разговор начала?

— Да ничего! – она и вправду чуть не плакала.

— Кать, ну я же мужчина. А в армии, каким бы странным тебе это ни показалось, очень много женщин, — неуклюже попытался оправдаться Корольков.

— Понятно! И со всеми ты, значит, все два года вот так?

— И вовсе не так, и не со всеми, — отбивался Саша. – Слушай, Кать! – вдруг спохватился он. – Ты не думай, пожалуйста, у меня… с моим здоровьем мужским все в порядке…

— Я заметила, — усмехнулась она в ответ.

— Да я не об этом, — Саша приподнялся на локте и посмотрел ей в лицо. – Я хотел сказать тебе, что никогда ничем таким… ну, не болел…

— А к чему это ты? – удивилась Катя.

— Да к тому, что мы с тобой даже не подумали воспользоваться резинкой, а я, между прочим, как порядочный человек, с собой принес, — ответил Корольков.

— Вот дурачок! – засмеялась она. – У меня есть!

Тут настала его очередь ревновать:

— Это еще зачем?! – с некоторой претензией в голосе, произнес Саша, в глубине души понимая, что ведет себя глупо, по-мальчишески, да и вообще не имеет права задавать подобные вопросы… Пока.

Катя внимательно посмотрела на него и с самым серьезным видом ответила:

— Да вот все думала: придет Саня Корольков из армии, а у меня ни одного презика в запасе нет!

«А она молодец! – подумал он. – Палец в рот не клади! Умная девочка, как технично меня на место поставила!» Вслух же произнес:

— Ладно, брейк, Кать… Один-один, согласна?

— Согласна, — улыбнулась она.

— Ты мне лучше покажи, что там с твоим пальцем случилось? Болит?

— Болит, — вздохнула Катя. – Об кровать ударила, вечно я за нее запинаюсь…

Она вытащила из-под одеяла стройную ножку с узкой ступней и протянула ему. Саша включил стоящий рядом с кроватью торшер и восхищенно произнес:

— Говорю же, козочка как есть! Какие ножки у тебя классные! Какой палец? А, вижу, мизинец, синий весь… — и он осторожно и, как подумалось Кате, профессионально начал ощупывать ее ступню.

— Может, лед приложить? – спросила она.

— Да поздно уже лед, — покачал он головой. – Трещина, Кать, скорее всего, причем вот тут, в стопе. Пальцы целые.

— И что теперь? – испугалась Катя. – Гипс?

— Да ну, — засмеялся Саша. – Какой гипс! Холод и покой. Но на покой можешь даже не рассчитывать… — он притянул девушку к себе и снова поцеловал.

— Саш, — она немного отодвинулась от него, отчего Королькову вмиг стало пусто и одиноко. – У тебя глаза такие черные… В кого?

— Говорят, — он провел ладонью по ее спутанным волосам. – В какого-то прадеда… По линии матери.

— Ты его видел? – с любопытством спросила Катя.

— Его никто не видел, — усмехнулся Саша в ответ. – Какой-то мифический персонаж! Зато у тебя… как у ведьмы глаза – зеленые-зеленые…

— Это комплимент или повод для драки? – возмутилась Катя.

— Иди сюда, козочка ты, козочка, — обнял он ее. – Комплимент, конечно…

За окном была совсем ночь – светлая, июньская, но все-таки ночь, когда Саша почувствовал, что Катя почти засыпает, выбившись, видимо, из сил.

— Ка-а-ать! – позвал он тихонько. – Не спи!

— Я не сплю, — промычала она в ответ.

— Не спи! Слышишь? Соловей поет!

— Это соловей? – удивилась она.

— Конечно, соловей, — ответил Корольков. – Ты что, не знаешь, как поет соловей?

— Не-а… — зевнула Катя. – Не задумывалась никогда… Не знаю, наверно.

Саше вдруг так захотелось, чтобы это оказалось правдой, и она действительно никогда и ни с кем раньше не слушала летней ночью пение соловья… Он настолько испугался этой мысли, что неожиданно даже для самого себя спросил:

— Кать, мне уйти?

— В смысле? – удивилась она. – Как это – уйти?

— Ну в том смысле, что, может, ты любишь спать одна? – снова невпопад объяснил он.

— Ну и вопросики у тебя, Сашечка! – возмутилась Катя. – Это из серии: вы перестали пить по утрам коньяк, отвечайте, да или нет? – рассмеялась Катя. – Если я скажу, что не люблю спать одна, ты сочтешь меня невесть кем. А если скажу, что люблю – бессовестно совру… Давай лучше я скажу честно: я не знаю, люблю ли я спать с тобой, но я очень этого хочу. Не уходи.

«Какая же она умница, — подумал он. – Я таких не знал девчонок, чтобы и умная, и красивая!»

Задохнувшись от внезапно нахлынувшей нежности к этой необыкновенной девушке, Саша прошептал:

— Ла-а-а-адно…

Помолчав, добавил, улыбнувшись в темноте:

— Только я иногда храплю…

— Ну ты прямо он же Гога, он же Гоша, — снова засмеялась Катя.

— Ага… Но утром все равно рано уйду, ладно, Кать?

— А почему рано-то обязательно? – опять удивилась она.

— По двум очень серьезным причинам, — он провел пальцем по ее разгоряченной щеке. – Во-первых, я как будущий врач могу тебе точно сказать, что все физиологические процессы в организме у нормальных людей начинают приходить в движение как раз с утра… А я не хочу смущать ни тебя, ни себя.

«Какой он молодец! – подумала Катя. – Ну какой мужик до этого бы додумался?»

— А во-вторых, — продолжал Саша. – Мне учить надо, Кать! Это для меня сейчас… — он хотел сказать: «самое главное», но язык не повернулся, и он произнес: — очень-очень важно, понимаешь?

— Понимаю, — задумчиво ответила она. – И поражаюсь твоей силе воли!

Саша молчал. Он ждал от нее вопроса про завтра, но Катя тоже замолчала.

«А я поражаюсь твоей выдержке, девочка, — думал он. – Ты же хочешь спросить меня об этом! Но, похоже, умрешь, но не спросишь! Как есть спартанка!»

Почувствовав себя каким-то садистом, он спохватился и торопливо произнес:

— А завтра, Кать? Завтра же я приду?

Она лежала, тесно прижавшись к нему, и он услышал, как ее сердце забилось часто-часто, а кожей почувствовал, что она выдохнула: совсем неслышно, но с явным облегчением.

— Да, Саша, — ответила она тихо. – Я буду ждать тебя. Учи скорей свои уроки…

— Уроки… — тихонько засмеялся он. – Вот ты дуня… Ну какие уроки, Кать? Они в школе остались.

— М-м-м… — согласилась Катя.

— Кать… — осторожно начал он. – А ты? Почему ты не стала учиться?

— Как это не стала? – вскинулась та. – Я учусь!

— Да-а-а? – удивился Саша. – А где? Я не знал!

— В Томском универе, на юридическом, Саш. Заочно, — ответила Катя. – Перешла на четвертый курс.

— Вот как? А я почему-то всегда считал, что ты работаешь…

— Я и работала, — подтвердила она. – До недавнего времени. В редакции газеты «Утренний город».

— В «Утряшке»? – снова удивился Корольков. – Надо же… А кем?

— Корректором, — зевнула Катя. – Но уже таковым не являюсь.

— Почему это? Уволилась?

— Сократили… — со вздохом призналась девушка и села в кровати. – Знаешь, так неприятно это… Да и работу сейчас не найдешь, сижу вот дома пока.

Саша замолчал.

«Как же она живет? – подумал он. – На что? Совсем одна… Может, ей мать как-то помогает?»

Однако развивать эту тему было неловко, особенно в первую их ночь.

«Потом узнаю», — решил он.

— Давай спать, козочка, — улыбнулся он. – Раз соловья слушать не хочешь…

— Я хочу-у-у-у… — она снова зевнула, да так сладко, что Корольков сам захотел спать. – Но не могу-у-у-у…

Через полминуты Катя спала так крепко, что, когда он, тихонько отодвинувшись от нее и откинув край одеяла, встал и вышел на балкон, даже не пошевелилась.

Саша долго стоял голышом на балконе, курил, смотрел на небо, хотя и затянутое облаками, но все же кое-где тускло проблескивающее звездами, и слушал того самого неугомонного соловья.

Здесь и начались его «страдания первой недели», как он мысленно много лет спустя называл этот короткий, но наполненный такими острыми и истинными эмоциями период своей жизни.

«Что же мне теперь делать? – думал Корольков, глубоко затянувшись. – Повелся на шикарную грудь, пришел на банальный перепихон, а что я имею в сухом остатке? Девочка-то оказалась ох как непроста…»

Ему вдруг захотелось спросить у Кати, из каких дальних и таинственных стран привезены висящие на стене гостиной диковинные маски. Почему в ее спальне стоит фортепьяно и откуда в этой необычной квартире такое невероятное количество книг. А еще ему стало вдруг безумно интересно, что это за работа – корректор в редакции газеты и почему эта красивая и, как оказалось, умная девчонка решила учиться на юриста…

«А, ладно, — снова сказал он себе. – Завтра спрошу. Не будить же ее сейчас – вон как крепко спит, козочка моя».

Это были необычные мысли, и Саша, всегда тщательно оберегавший свою мужскую свободу, страшился их, однако сделать с собой ничего не мог, продолжая внутренний диалог: «Мы ведь договорились с ней насчет завтра, — успокаивал он себя. – Ничего такого, днем буду учить, иммунологию запускать нельзя, могу не успеть к следующему четвергу, а потом… Потом я приду сюда и все у нее спрошу: и про маски, и про юридический, и про фортепьяно… Да и не только спрошу!»

Тут мысли его приняли несколько иной оборот, и он, бросив вниз сигарету, вернулся в спальню.

Забравшись под одеяло, он попытался было разбудить Катю, но та спала так крепко, что он вскоре понял — это невозможно. И тогда он обнял ее, прижал к себе – теплую, сонную, нежную, со спутанными волосами и шелковой кожей, больным пальцем и припухшими от его, Королькова, поцелуев губами, со всеми ее мыслями, ревностью и насмешками — да так и уснул, наконец, сам.

Это были странные дни. Он любил Катю так, словно подбирал какую-то нежную мелодию на струнах гитары, находя, улавливая, угадывая все новые и новые ноты. Но как только аккорды складывались, он брал их уверенной рукой, уже ни на секунду не сомневаясь в правильности звучания. И с каждым новым аккордом он с восторгом и ужасом понимал, что получает

все большую власть над этой прелестной юной женщиной, так неожиданно появившейся в его жизни, одновременно теряя власть над собой, над собственной волей, а порой и над разумом.

Каждое утро Саша, проснувшись по армейской привычке совсем рано, долго лежал, опершись на согнутую в локте руку, и смотрел на крепко спящую рядом Катю. В квартире было прохладно, и она часто зарывалась в одеяло с головой. Он откидывал край одеяла, осторожно убирал с ее лица локоны длинных темно-каштановых волос и тихонько трогал кончиком указательного пальца нежную мочку розового ушка, персиковую щеку, черные длинные ресницы. В ложбинке между плечом и стройной шеей виднелись три продолговатых багровых пятнышка – бесстыжие свидетельства его собственной страсти, и когда Саша вспоминал, как они появились, адреналин заливал его от макушки до пяток, и хотелось рвануть на школьный стадион – отмотать там кругов десять, чтобы хоть немного успокоиться.

Глядя на Катю, он клялся себе, что вот сейчас посмотрит еще немного, встанет, тихонько, чтобы не разбудить ее, оденется, выйдет в коридор и, захлопнув за собой дверь, больше никогда сюда не вернется. От этих мыслей ему становилось совсем худо, и он понимал, что не сможет этого сделать, физически не сможет, и все. Катя за эти несколько дней превратилась для него в наркотик, без которого он не мог ни уснуть, ни проснуться.

Тридцатипятилетняя военврач Маринка Смирнова, циничная, как сама военная медицина, обладательница настолько шикарного бюста, что сержант Корольков не смог устоять, запахивая коротенький халат в крошечной «смотровой» Пятигорского госпиталя, жестко сказала ему:

— Больше ко мне не подходи, парень!

Саша ухмыльнулся:

— Че эт?

— «Че» по-китайски «жопа», сержант, — столь же жестко ответила Маринка. – Вырастешь – поймешь.

Она помолчала, приглаживая волосы перед щербатым почерневшим зеркалом, висящим с внутренней стороны двери, и медленно добавила:

— Ты классный любовник, Саня! Но не хотела бы я быть на месте твоей жены или подруги…

Корольков снова усмехнулся и, одернув на себе гимнастерку, вышел из «смотровой».

Сейчас же он чувствовал себя шестнадцатилетним придурком, которому впервые в жизни удалось обнять и поцеловать понравившуюся одноклассницу, и который из оного процесса не понял ничего, кроме того, что для него все позорно закончилось, так и не успев начаться.

«Тьфу ты, пропасть какая! – думал он. – Ну что со мной происходит-то! — и тут же поворачивал голову, снова видел спящую Катю и начинал идиотски улыбаться: — Это ведь из-за меня она так крепко спит!»

Это наполняло его мужское сердце такой гордостью, что Саша начинал сам себе казаться смешным.

Он уговаривал себя: «Ну что такого? Столько раз так было в моей жизни, когда я знакомился с девчонкой, встречался недолго, а потом исчезал навсегда, потому что никогда не доводил отношения до глубокого чувства, да и, как правило, становилось скучно и неинтересно, поскольку крепость была взята, инстинкт охотника ослабевал и не было смысла продолжать. Представив себе, что так же произойдет у него и с Катей, он испытывал какую-то странную боль в груди, когда непонятно, где болит и как. Долго будущий хирург Корольков не мог понять, что это за боль, грешил на межреберную невралгию, которая запросто могла появиться после таких бурных ночей, пока, наконец, до него не дошло, что это болит душа. Та самая душа, в существование которой он, воспитанный во времена атеизма, не верил. Тот самый двадцать один грамм неизвестной науке материи, которая, как теперь он точно уверился, существует,

только вот непонятно, где именно. Болело все: сердце, легкие, грудная клетка. Невозможно было дышать, пока он одевался и все-таки выходил из Катиной квартиры, испытывая ощущения, сходные с тем, когда он живьем, без наркоза, прямо руками вытаскивал пулю из плеча раненого десантника в полевом госпитале на Кавказе. Только сейчас приходилось проделывать подобное с самим собой, с собственной душой.

«Уноси ноги! – кричал очнувшийся разум. – Ты играешь с огнем!»

Сердце в ответ колотилось о ребра пойманной птицей.

Решимости хватало только до того момента, когда он своей слегка развинченной походкой уличного мальчишки выходил из ее подъезда и, закурив, медленно шел через двор к своему дому. Пока, глубоко затягиваясь, шагал по протоптанной собачниками дорожке, вся его вымученная стойкость пропадала. «А как я буду учить в таком состоянии? — думал он. – Я ведь не смогу. А, ладно, сегодня вечером пойду к ней, какая разница, когда… Днем раньше, днем позже… А так я хотя бы смогу добить иммунологию!»

Душа резюмировала: «Что ты дергаешься и изводишь себя? Все равно ведь вернешься!»

Сразу пропадала боль в груди, дышать становилось легко и свободно, и Саша, совершенно счастливый, тихо проскальзывал в свою квартиру и ложился спать.

Это были странные дни, потому что, поспав совсем немного, часа два или три, он вставал абсолютно выспавшимся и бодрым и сразу садился за учебники. Правда, приходилось нечеловеческим усилием воли буквально давить в себе мысли о Кате, о том, как все было прошедшей ночью, и о том, как будет ночью предстоящей. Он заставлял себя не думать о ней два часа, потом еще час, потом снова два. В промежутках, конечно же, думал, и это было наградой за вызубренные понятия и определения, за проклятую латынь, которая никак не запоминалась, и он, меря шагами комнату, повторял и повторял целые предложения, как стихи.

В какой-то из этих дней отец стоял на кухне и смотрел в окно. Вдруг он позвал:

— Санька! Подойди-ка сюда, сынок!

Саша, подняв голову от тетрадок, крикнул в ответ:

— Пап, я занимаюсь!

— Иди сюда, говорю!

Потягиваясь до хруста в занемевших плечах, Саша вышел на кухню. Отец кивнул куда-то в сторону двора:

— К этой, что ли, красотке ты каждую ночь шастаешь?

Саша выглянул в окно и увидел Катю, которая выгуливала свою Малышку в маленькой рощице ранеток возле голубятни. Собачка нюхала что-то в траве, а Катя стояла, глубоко засунув руки в карманы драных джинсов, отчего они сползли ниже пупа, открыв полоску смуглого, совсем чуть-чуть округлого животика. Под майкой–«алкоголичкой» все так же явно, как и в их первую встречу, не было ничего похожего на белье.

Слегка покраснев, Саша кивнул. Отец, одобрительно цокнув языком, авторитетно произнес:

— Хороша девка, ох, хороша!

— Па-а-а-ап… — смущенно протянул Саша.

— А чего «пап», чего? – засмеялся отец. – Все правильно, молодец! Чем тебе еще заниматься, в твоем-то возрасте? Ты деньги бери, сынок, знаешь, где…

— Нет, отец, спасибо, не надо, — ответил Саша: тема для него была больная.

— А как с девчонкой без денег-то куролесить? – удивился тот.

— Да пап, не надо мне ничего!

— Сам смотри, сынок, — вздохнул Леонид Иванович и, помолчав (видно, давно хотел сказать, да не решался), добавил: — Ты уж учебу-то не бросай только…

— Нет, что ты! Все в порядке, папа, — испугался Саша. – Ты не волнуйся!

Когда его в 1991 году отчислили с четвертого курса, отец, не сказав ни слова упрека, слег с инсультом. Хорошо, что Корольков–младший уже кое-что понимал в этом и вовремя успел вызвать скорую. В больнице Саша три недели не отходил от кровати отца, полностью взяв на себя уход и реабилитацию и чувствуя страшную вину перед единственным близким своим человеком. К тому времени они с отцом остались вдвоем: Сашина мать Валентина Николаевна умерла, а сестра его Тамара, восемнадцатью годами старше, к брату особых родственных чувств никогда не проявляла. Она вообще всегда считала его нелепой случайностью, которая и на свет-то не должна была появляться: «И зачем ты его только родила, в сорок лет! – позорила она мать. – Нафиг тебе это нужно было?»

Надо сказать, покойная Валентина Николаевна тоже почему-то Сашу не любила. Она была женщиной грубоватой, неласковой и родила сына в столь неприличном по тем временам возрасте только лишь затем, чтобы, как Саша выяснил из случайно подслушанного разговора родственниц на маминых похоронах, не оперировать обширную миому матки. Миома и вправду, как выразилась, прикрыв рот ладошкой, одна из кумушек, рассосалась. А мальчишка рос нужным, по сути, только отцу. Тот отводил и забирал малыша из детского сада, сам же и повел его в первый класс: мать якобы не смогла отпроситься со смены.

Леонид Иванович, будучи совершенно простым мужиком, очень любил книги, хорошее и умное кино. Много читая сам, он и Сашу приучил к тому, что без книг жизнь скучна и неинтересна, и тот благодаря отцу вырос образованным и думающим человеком.

Мать, правда, тоже внесла свою лепту в воспитание Саши: по моде тех лет определила его в музыкальную школу по классу фортепьяно.

«Пускай ходит! – отрезала она. – Нечего по дворам шляться без дела!»

И Саша стал «ходить»: оказалось, что у мальчика удивительно тонкий музыкальный слух и полное отсутствие страха перед аудиторией. Впоследствии эта особенность очень пригодилась ему в жизни, а пока он учился в школе, тоже приносила немалую пользу не столько ему самому, сколько его классу и учителям. На любом мероприятии, коих по тем временам в жизни школьников было немало – будь то смотр строя и песни, поздравления мам с Восьмым марта или КВН — Саша Корольков без тени смущения мог выйти на сцену и сделать все, что угодно: спеть, прочитать стихи, станцевать, да хоть колесом пройтись.

Все ребята, а особенно девчонки перед любым выступлением волновались, по сто раз повторяя слова или движения, а кто-то и вовсе от страха, покрывался перед выходом на сцену холодным потом. Анжелка Царёва однажды вообще перед каким-то ответственным мероприятием – кажется, это был районный конкурс военной песни – грохнулась в обморок. Саше же все было нипочем, сцены он не боялся, а зрительного зала для него словно бы и вовсе не существовало.

Пожилая учительница только всплескивала сухонькими ручками, когда он, едва освоив нотную грамоту, стал безошибочно подбирать самые сложные мелодии:

— Сашенька! Умничка! Мальчик мой, а почему вот тут ты берешь именно фа-бемоль?

— Я так слышу, Бэлла Львовна.

— Ах, как хорошо! Молодец! Давай еще раз, только вот здесь, — она брала аккорд, — фа-бемоль энергичнее, Сашенька!

— Хорошо, Бэлла Львовна! – и он послушно брал «энергичнее».

Преподавательница же сольфеджио, поняв, что у Саши Королькова исключительный слух, попросила родителей зайти в школу. Мать, прочитав запись в дневнике, подозрительно спросила:

— Чего натворил?

Саша, тогда еще совсем малыш-второклассник, удивленно вскинул на нее черные глазенки:

— Да ничего, мам, я не творил!

— Чего ж она вызывает тогда? – хмыкнула Валентина Николаевна.

— Не знаю… — протянул Саша.

— Делать мне нечего больше, по школам твоим расхаживать, — заворчала мать. – Со смены на смену не успеваю!

Но в школу все-таки сходила. Вернулась довольная и потом на кухне долго рассказывала что-то отцу. Саша пытался подслушать: ему было интересно, зачем мать вызывали в музыкалку, однако дверь была плотно закрыта, а говорили родители тихо. До него доносились только обрывки фраз, из которых мальчишка понять ничего не мог. Потом отец вдруг громко произнес:

— Валя, ну у него-то самого тоже ж надо спросить!

Мать зашипела:

— Чего ты орешь, Лёня? Чего его спрашивать, пусть ходит, да и все!

— Ну он же тоже человек! – возразил отец. – И мнение свое имеет!

— Да какое там у него мнение в восемь лет! – продолжала настаивать на чем-то мать. – Пускай идет, все польза! Может, потом на артиста…

— Еще мне артистов тут не хватало! – еще громче воскликнул отец.

— Лёня!

— Валя! Все, я сказал! Спросим у него, захочет – пойдет. Саня! – позвал он. – Сынок, иди сюда!

Саша зашел на тесную пятиметровую хрущевскую кухонку:

— Что, пап?

— Сыночка, — неожиданно ласково начала мать. – Послушай…

— Подожди, Валь, — перебил ее отец. – Я сам скажу. Сынок, тут маму в школу вызывали…

— Да я знаю, папа! – испугался Саша. – Я ничего такого не делал…

— Конечно, не делал, сына! – успокоил отец. – Ее не за этим вызывали. В общем, они хотят, чтобы ты еще и по вокалу учился. Больно у тебя слух хороший, сказали, и голос тоже. Но это трудно, сына. Это как если бы ты в две музыкальные школы ходил. Ты как на это смотришь?

— Сынок, — снова вступила мать. – Это ж как хорошо будет! Ты и на пианине будешь играть, и петь! Они научат, как правильно. Глядишь, потом на артиста бы пошел, а, Сашенька?

— Валя! – строго перебил отец. – На какого еще на артиста? Он у нас, может, спортсменом будет! Или на врача вот, тоже хорошо, верно, сынок?

— Да! – подхватила мать. – Да хоть кем будешь, а музыка никому не помешает. Выучишься в институте, будут у тебя друзья приличные, будешь бывать в хороших домах… Сядешь за пианину, сыграешь… А если еще и споешь, так все невесты твои!

Восьмилетнему Саше, конечно, в тот момент на всех невест, вместе взятых, было глубоко наплевать, однако он понял, что родители, особенно мама, хотят, чтобы он учился и по классу вокала. Ему тогда еще казалось, что если он будет хорошим и станет делать то, что приятно матери, она его все-таки… полюбит: ребенок интуитивно чувствовал и хотел преодолеть ее нелюбовь.

— Да я могу, а чего тут такого, — удивился он. – Петь же не трудно!

— Санечка, но там тоже придется учить что-то, уроки будут задавать, — предупредил отец.

— Ну и ладно, я выучу!

— Вот и молодец, сына, — мать притянула его к себе и крепко чмокнула в темноволосую макушку.

Если и был за что-то благодарен своей матери повзрослевший Александр Корольков, так за то, что, пусть в угоду своим амбициям, она где заставила, а где смогла убедить его заниматься музыкой.

Он окончил музыкальную «семилетку» одновременно с окончанием восьмого класса. Так было со многими его одноклассниками, однако Саша пошел дальше своих друзей: он вдруг понял, что хотел бы освоить еще и гитару. Возможно, в чем-то это решение было данью моде: парни с гитарой в те времена в любой компании были в центре внимания. Однако Саша, слушавший гораздо более серьезную музыку, руководствовался этим менее всего.

Он нечасто демонстрировал свое умение, но уж если в компании брал гитару в руки, девчонки не сводили с черноглазого паренька мечтательных глаз: его хрипловатый голос завораживал присутствующих.

2016 год

За Агатой захлопнулась входная дверь, Катя же продолжала лежать в спальне, глядя в потолок и размышляя. После разговора с дочерью она немного успокоилась: ей, как только удалось хоть чуть-чуть выплеснуть эмоции, стало полегче. Она думала о том, что Агата права, и ей действительно пора позвонить Королькову. Всякие новомодные словосочетания вроде «незакрытого гештальта» Катю раздражали: «Это не какой-то там гештальт проходной или ситуация, которая разрешится одним нажатием кнопки на телефоне, — думала она. – Это моя жизнь… И надо, наконец, встретиться и поговорить с человеком, воспоминания о котором не дают мне покоя вот уже двадцать с лишним лет. Просто поговорить, ведь мы взрослые люди, ну не пошлет же он меня подальше с первых слов».

Катя знала, что Корольков стал прекрасным хирургом. Говорили, что он талантливый врач, в чем она не сомневалась. Знала и то, что слава врачей такого уровня негромкая: рекламных щитов с портретом доктора Королькова, призывающего, к примеру, лечиться только в его клинике или принимать то или иное лекарственное средство, на городских магистралях было не увидеть. Однако слова Ваньки Куприянова, сказанные однажды на каких-то их посиделках, запали Кате в душу: «Корольков? – он обернулся в сторону задавшего вопрос. – Да нормально. Работает. Все людей с того света вытаскивает!»

Катя в этот момент замерла, как бывало с ней всегда, когда кто-то упоминал при ней Сашу, и подумала с гордостью: «А ведь правда! Уже, наверное, население небольшого микрорайона вытащил, за столько-то лет».

«Я найду его телефон, — решила Катя. – Спрошу у Куприянчика, да и все! Впрочем, нет, — тут же остановила она себя. – Так нельзя. Вдруг у Саши и правда все в жизни сложилось: семья, дети, собаки и загородный дом. А тут я такая: здрасьте, Александр Леонидович, помните ли вы Катю Мороз? На личный телефон звонить не годится, придется искать рабочий».

Тут ей вспомнился еще какой-то общий разговор, большая компания и мельком произнесенная кем-то рядом фраза: «Корольков женился давно! Жена, между прочим, говорят, моложе лет на десять», и Катя совсем приуныла.

Однако не в ее характере было отступать от принятого, да еще так тяжело принятого решения, и уже на следующий день в руках Екатерины Николаевны была бумажка с выписанными с сайта горбольницы номер четыре телефонами: приемная, справочная и отделение неотложной хирургии. Узнать же, в какой именно клинике работает доктор Корольков, оказалось совсем легко: поисковик выдал только одного врача в Новосибирске с такой фамилией.

Интуиция подсказывала, что начинать надо с отделения, и Катя с замиранием сердца набрала семь цифр. Судьба не стала слишком терзать и испытывать ее: трубку подняли сразу.

«Корольков на операциях, — немного резковато ответил женский голос. – А хотя подождите, вот и он».

Разговор получился скомканным, однако Катя, с трудом унимая забившееся сердце, успокаивала себя: «Ну а как он должен был ответить? Заплакать от счастья на глазах у изумленной публики? Там ведь люди, я слышала в трубке голоса».

Когда Катя нашла в недрах комода пожелтевшую бумажку с написанными на ней несколькими словами по-латыни, она как-то сразу поняла, что это, и чуть не потеряла сознание, задохнувшись от эмоций, мыслей, воспоминаний… Пока рыдала на кухне, многое вспомнилось, жизнь-то длинная, все думала она. Думала она и о человеке, с которым была такой счастливой и такой… «Да собой я была! – мысленно воскликнула она. – Я была собой, и когда он исчез из моей жизни, из меня словно душу вынули…»

После ее выстраданного звонка Королькову прошло два дня, а она все возвращалась и возвращалась мыслями к его голосу, интонации. Она даже дыхание его помнила – каждый вздох, который слышала в телефонной трубке.

Чувствуя себя вымотанной, словно прогорбатилась весь день на каком-нибудь огороде (коего, к слову сказать, у Кати отродясь не было, и посему такой труд казался ей самым тяжелым), она снова лежала на кровати в своей спальне и думала, думала… Они не договорились созвониться позже. Корольков не спросил номер ее телефона. Не поинтересовался он и тем, как она живет сейчас, по прошествии стольких лет. Но что-то в его слегка дрогнувшем в первую секунду голосе подсказывало Кате, что это не конец. Она чувствовала, что каким-то образом он появится на ее горизонте, и от этого чувства становилось страшно. На дворе вовсю пылал жаркий сибирский июль – настоящий, радостный, с душными ночами и плавящимся от зноя асфальтом, — совсем не такой, каким был их с Сашей июль 1993 года.

Тогда было бессезонье какое-то, вздохнула Катя. Бессезонье, безвременье, безденежье и безлюдье, словно на необитаемом острове.

Однако, несмотря на все эти душевные потрясения, разлеживаться, как выражалась Катина бабушка Октябрина Ивановна, было никак нельзя: через две недели Кате предстоял долгожданный отпуск. Билеты на самолет до Симферополя и обратно были куплены заранее, курортный гардероб продуман и, самое главное, отложены деньги на то, чтобы снять в Крыму какую-нибудь небольшую комнату или номер в скромной гостиничке: пятизвездочный отель она точно не могла себе позволить, а море… Оно же все равно такое ласковое и теплое, размышляла она, живи я хоть в отеле «Интурист» в Ялте, хоть в комнатенке гостевого дома в Коктебеле или в каком-нибудь другом – все равно, в каком – приморском поселке. И хотя до отъезда оставалось еще достаточно времени, Катя, зная, насколько тяжело обычно бывает заставить себя делать что-то по вечерам после работы, поднялась с кровати. Было воскресенье, и у нее в запасе оставалось еще некоторое количество времени – так, пара-тройка часов – до того момента, пока будет пора ложиться спать. Она решила провести его с пользой. Билеты она покупала загодя и по довольно удачной цене, поэтому и туда, и обратно места были полноценные, с багажом. «Обратно поеду, вина наберу, — радовалась Катя. – Коньяк, опять же, чача там отменные в фирменных магазинах. Будет что поставить на стол в день рождения». Она подгадала так, что прилетала из Крыма как раз за день до своего сорокапятилетия.

На залитой предзакатным солнцем лоджии, которую пару лет назад обшили светлой деревянной рейкой, отчего она стала похожа на веранду какого-то экодома в дорогом коттеджном поселке, мастер соорудил замечательные шкафы. Расположенные по бокам от входа, они почти не занимали места, а помещалось в них многое: чемоданы, коробки с обувью, летние цветочные горшки, в которые Катя каждый год высаживала разноцветные веселые петуньи, и еще множество разных вещей, для коих в квартире места не хватало. Катя обожала свою лоджию, выход на которую был из спальни, и устроила там все стильно и удобно. От пыли и ветра лоджию, а вместе с ней и Катину спальню, защищало капитальное пластиковое окно. На желтом деревянном полу красовались половички «как у бабушки» (Катя сама плела их всю зиму – успокаивала нервы), стояли два небольших, но очень удобных мягких кресла и совсем крошечный журнальный столик. На подоконнике буйствовали петуньи. Упомянутые шкафы были закрытыми, поэтому вид «барахолки», расположенной в них, не омрачал картину этого милого уголка Катиной квартиры.

Она вытащила с полки чемодан и положила, раскрыв, на кровать в спальне. Список вещей, которые решила взять с собой на море, был готов уже давно: Катя любила собираться в дорогу — это ожидание праздника, предвкушение было ей всегда в радость.

Катя начала выкладывать на кровать сарафаны, купальник и парео, сланцы и босоножки для вечернего променада по улицам курортного городка. Напевая, она стала скручивать в рулончики майки и шорты, как вдруг зазвонил сотовый. Катя даже вздрогнула, до того неожиданно заиграла мелодия. Странно, но на экране высветилась надпись: «Инуся».

Инна Геннадьевна Сорокина была начальником отдела кадров Управления службы «Единая недвижимость», где Катя трудилась вот уже без малого восемнадцать лет, и Катиной хорошей приятельницей.

— Да, Инусь? – Катя, зажав плечом телефон, все продолжала машинально скручивать майки в «колбаску».

— Катюша, привет! – неожиданно по-деловому произнесла в трубке Инна. – Ты где?

— Да дома я, — удивилась та. – Где ж мне еще быть? Привет.

— Слу-у-у-ушай, Кать… — замялась Сорокина. – Тут такое дело…

— Что случилось? – напряглась Катя.

— Короче, мы посмотрели, а у Федьки квалификационный экзамен не сдан, оказывается…

— А я при чем? – удивилась Катя. – Пусть пересдает, если такой балбес.

— Так мы его на курсы-то не можем отправить! И только сегодня увидели, представляешь! – затараторила Инна. – Мы с моими девочками выходили на работу, в среду проверка из Москвы приезжает, ну ты сама понимаешь…

— И? – снова напряглась Катя. – Не томи, Инусь, что стряслось-то?

— Короче, Кать, — снова приняла деловой тон Инна. – Кроме тебя, некому. Мы и приказ уж переделали, и документы все напечатали, и у руководителя я все подписала, на дачу к нему ездила днем, пробка была ужасная, я сначала думаю, что такое, в ту сторону не должно быть, а там, оказывается, мост за Гусиным Бродом ремонтируют… Билет купишь перед электричкой. «Ласточка» на Барнаул в девять двадцать отходит.

— В смысле? – не поняла Катя. – Какая еще «Ласточка»?!

— Ну ты вместо Федьки на курсы поедешь, Кать, — вздохнула Инна. – Говорю же, кроме тебя некому. А у тебя и срок как раз подошел, и экзамен ты в мае сдала… Я в гостинице на тебя номер перебронировала, там все будут по двое, а то и по трое в номерах, а ты в одноместном! Других не было.

— Ин, вы что, чокнулись? Какие курсы? У меня на завтра пять срочняков лежат, приостановок писать не меряно, я же в отпуск через две недели, все подбираю, чтоб не оставлять, и так народу мало, работать некому… — Катя была в ужасе от услышанного.

— Катюш, Катюш, — начала уговаривать Инна. – Ты не паникуй, руководитель в курсе, все твои дела передадут Любе Бондаренко, она только из отпуска, завалиться еще не успела.

— Да ну, бред какой-то! – возмущенно воскликнула Катя. – Инна! Нет!

— Катя, да, — твердо произнесла Сорокина. – Утром я за тобой заеду, привезу тебе все документы, командировочные и все такое, и увезу тебя на вокзал.

— А обратно-то когда? – обреченно спросила Катя.

— Катя, все ходы записаны, не боись, — засмеялась Инна. – Ты приедешь в обед через субботу, поняла? А в воскресенье спокойно полетишь в свой Крым. У тебя же билет на воскресенье?

— Ну да… — смирилась Катя. – И что мне, два чемодана, что ли, собирать? Один – туда, один – туда, — и она показала рукой, словно Инна могла видеть ее выразительную жестикуляцию.

— Ой, да что там тебе в тот Барнаул-то брать особо! – приступила к практической составляющей Инна. – Шампуни всякие там купишь, ты ж не на Луну едешь. Пару лифчиков кинь да пару маечек…

— Ага, пару маечек! – возмутилась Катя. – Я тебе не на дачу еду, Инночкина! Там люди будут!

— Паспорт не забудь! – напомнила Инна. – Я заеду в полдевятого, будь готова, хорошо?

— Хорошо… — вздохнула Катя. – Пока…

У нее почему-то вдруг поднялось настроение: неожиданная поездка в Барнаул на курсы повышения квалификации воспринялась как немного сумбурное и бестолковое, но все-таки приключение. И Катя, будучи, в общем-то оптимисткой, подумала: «А, будь что будет! Зато не работать эти две недели! Коллеги из разных городов, интересные преподаватели! Лето, другой город, новые люди – чем не путешествие? А потом сразу на море… Здорово, что Инка меня на эти курсы подпихнула!»

И Катя, присев на креслице у журнального столика на лоджии, стала быстро прикидывать в блокноте, что взять с собой в командировку, а что – на море.

Составив список, взялась за дело, и через полтора часа в спальне стоял почти собранный в поездку на море чемодан и небольшая дорожная сумка, как мысленно посмеялась сама Катя, «на Барнаул». Легкие свободные джинсики, майка, комплект белья и удобные кожаные сандалии в дорогу тоже были готовы – надевай и прыгай с сумкой к Инке в машину. Документы и немного денег – пришлось взять из отпускных, сокрушалась Катя, но ничего, там скоро зарплата будет, — лежали в сумочке.

Выдохнув, Катя покурила и немного успокоилась, подумав: «И про разговор с Корольковым буду меньше вспоминать… А там будь что будет, надеюсь, он сообразит, что надо меня найти… Уверена — он помнит, что именно написал тогда по-латыни!»

Вернулась Агата, и они начали бурно обсуждать неожиданную новость про Катину командировку и обговаривать, как она будет хозяйничать, пока мать в отъезде.

— Нет, доча! – застрожилась Катя. — Вернешься в Москву, когда я приеду из Крыма! Я не хочу отдавать кошек Регине Иванне, она их голодом заморит! И вообще, знаешь, как противно возвращаться в дом, где тебя никто не ждет!

Катя и вправду жутко не любила одиночество, и то, что дочь сейчас живет и учится в Москве, было для нее очень болезненным. Однако имелась одна причина, по которой она сама, можно сказать, собственноручно отправила Агату на учебу так далеко, и ни одна живая душа, даже самые близкие Катины подруги, не знали этой причины. Тем не менее Екатерина Николаевна Мороз была в некоторых вопросах кремень: сказала, что будет так, значит, будет. Вследствие проявленной Катей беспрецедентной даже для нее самой твердости Агата в одиннадцатом классе оказалась перед дилеммой: или она едет учиться в Москву, или учится в Новосибирске, но не в медицинском.

2012 год

— Выбирай любой другой ВУЗ, — отрезала мать. – Хоть гэпэтэу, если хочешь. Но не в мед!

— Мама! – закричала Агата. – Сейчас нет гэпэтэу!

— Мне похрен, — еще жестче ответила Катя. – Есть они или нет. В нашем меде ты учиться не будешь.

Так и не уяснив природу столь патологического неприятия матерью медицинского образования в родном городе, Агата блестяще поступила в Сеченовку. «Видимо, от удивления и с перепугу», — думала она про себя.

В Москве жила Анна Михайловна, вдова генерала Беликова, близкого друга покойного Катиного отца. Это была чудесная старуха, интеллигентнейшая, умная, адекватная, несмотря на возраст. Жила она в огромной четырехкомнатной квартире на Патриарших прудах в окружении домработницы Зои Петровны, йоркширских терьеров Лушки и Астры, а также наглого рыжего кота Персея, подобранного на помойке. Единственный сын с семьей уехал, как водится, в Испанию, и у матери бывал только наездами пару раз в году. Безусловно, звал ее к себе – сын был порядочный человек, да и жена его со свекровью общий язык вполне находила. Однако узнав, что внучке Коли Мороза «некуда приткнуться в Москве», Анна Михайловна приняла соломоново решение: поживу пока с Агаточкой, пусть девочка выучится, а там уж и к вам, сынок, перееду. На том они все вместе – Анна Михайловна, ее сын с невесткой, Агата, Катя, которая приехала на пару дней в столицу обустроить дочь на новом месте, — и порешили к всеобщему согласию.

Надо отметить, что Катя, которая привыкла в своей жизни к перманентному процессу преодоления разных сложностей и проблем, узрела в этом слаженном решении знак судьбы: «Значит, я правильно придумала не оставлять Агату в Новосибирске, — мысленно перекрестилась она. – Так тому и быть, а дальше посмотрим».

Катя растила дочь одна, и помочь ей деньгами было решительно некому – алиментов она сроду не получала, а Регине подобные глупости и в голову прийти не могли, поэтому она сразу предупредила Агату, что много высылать ей не сможет. Разговор происходил у Анны Михайловны на кухне, и хозяйка внезапно появилась на пороге:

— Я все слышала, деточка! – провозгласила она. – Агата будет кушать со мной!

— Анна Михайловна, — смущенно начала Катя.

Однако старуха перебила ее, произнеся удивительно простую и мудрую фразу:

— Катя, — сказала она. – Мы приходим в этот мир голыми, голыми и уйдем. С собой точно ничего не заберем! Так неужели я тарелку супа ребенку не налью?

Анна Михайловна ко всем своим добродетелям была еще и великой кошатницей. И когда она узнала, что своих кошек Катя с Агатой буквально вытащили из лап смерти, прониклась к обеим самой искренней симпатией. Агата училась в седьмом классе, когда они с Катей возвращались зимним вечером из оперного – давали «Щелкунчика», дело было перед Новым годом. Миновать Центральный рынок было невозможно: ненавидимый Катей, он застил любой путь из центральной части города на Пушкинский жилмассив. Проходя мимо этой мерзкой махины, состоящей из каких-то курятников, облепивших два старых корпуса, Катя с Агатой вдруг заметили прямо на обочине черный полиэтиленовый пакет, который шевелился. Сначала взвизгнули хором, подумав, что там крысы, однако пакет был целым, без дырок и наглухо завязанным. Да и для Крысиного Короля, пожалуй, маловат, со смехом успокоила дочку Катя.

— Мама! – вскрикнула, догадавшись первой, Агата. – Там щенки или котята! Здесь же стоят всегда, предлагают…

Они кинулись к мешку. И верно, там оказались котятки – совсем маленькие, полуслепые. Их было всего двое, и оба, на счастье, живые.

Катя решительно скомандовала:

— Так, доча, ты – одного за пазуху, я – второго! И бегом в ветеринарку, круглосуточная есть на Советской.

Так в их жизнь пришли Дуся и Шер, две прекрасные девочки кошачьего племени, новогодние кошечки-сестрички.

2016 год

Несмотря на то, что для Агаты все сложилось очень удачно и благоприятно – только учись, Кате, конечно, первые год-полтора было лихо — дочь уехала, и осталась только, что называется, одна дорога: дом — работа.

Работа у Екатерины Николаевны была ответственная, а оттого тяжелая – она служила инспектором по недвижимости в государственной структуре.

Как обычно бывает в госсекторе, денег там платили не слишком щедро, а спрашивали так, словно сотрудники все поголовно ездили на золотых «майбахах», купленных на зарплату. Однако за восемнадцать лет Катя уже как-то попривыкла к напряженному графику и особо не задумывалась о смене места работы. Коллектив был в целом неплохой, дело свое инспектор Мороз знала прекрасно, а уж экономить при средней паршивости, как выражалась другая Катина бабушка Олимпиада Алексеевна, зарплате она научилась мастерски.

Пока Агата училась в школе, они даже умудрились три раза съездить на море – один раз в Сочи и дважды за границу: в Турцию и на Кипр.

Прошлым летом Катя за компанию с Любой Бондаренко и ее семьей побывала в Крыму, Агата же предпочла на каникулах волонтерствовать в одном из хосписов Подмосковья.

Дочь вообще выросла какой-то, на Катин взгляд, излишне социально активной: вместе с другими студентами она то собирала в соцсетях деньги на операцию какому-нибудь безродному бедолаге, за которым ухаживала, будучи санитарочкой, в больнице. То участвовала в проекте против абортов, то пристраивала несовершеннолетних мамочек на работу… Впрочем, активность ее была направленной в позитивное и полезное русло, Катя же только удивлялась тому, как ее дочь успевает все: и учиться, и работать, и помогать обездоленным, да еще и проводить время с Анной Михайловной – старушка очень любила неспешные беседы за чашечкой чая.

За четыре года, проведенных Агатой в Москве, Катя дважды ездила к дочери: один раз летом, после первого курса, второй – зимой, прямо на Новый год. Тогда ее вытолкала в поездку подружка Машка:

— Катька! – возбужденно орала она в трубке. – Там билеты в Москву задаром раздают! Давай, быстро бронируй, на тридцатое число успеешь! Новый год в Москве встретишь!

— Да ну, Мань… — заартачиласть было Катя. – Я не собиралась никуда…

— Кать, ну ты чего такая инертная стала? – возмутилась подруга. – Старость, что ли?

Катя, устыдившись, зашла на сайт и успела взять билеты. Это был замечательный Новый год, встречали его все вместе: и Анна Михайловна, наряженная в черное бархатное платье и жемчуга; и хлопотливая Зоечка Петровна, у которой дети жили где-то в глубинке, а в Москве, кроме ее хозяйки, не было ни одной родной души; и Агата, которая, правда, в полпервого умчалась к друзьям; и Катя, немного уставшая после самолета и смены часовых поясов, но тем не менее довольная… Проведя в блаженном ничегонеделанье, разговорах с Анной Михайловной и прогулках по новогодней Москве неделю, Катя вернулась в Новосибирск умиротворенной. Машка, благородно вызвавшаяся присматривать за Катиными кошками, встретила ее на пороге:

— Ну что? Не жалеешь, что потратила такие страшные деньги на поездку? – спросила она.

— Не жалею, — улыбнулась Катя, обнимая подругу. – Спасибо тебе, дорогая, что ты меня заставила!

В суматохе экстренных сборов, обсуждений всяких хозяйственных вопросов, которые Агате предстояло решить самой (в частности, вызвать, наконец, сантехника починить кран на кухне), Катя не рассказала дочери о разговоре с Корольковым. И была рада тому, что есть возможность промолчать об этом событии.

«Сейчас я уеду в Барнаул, потом – в Крым и, возможно, Агата подзабудет обо всем этом, — размышляла Катя, стоя перед сном в душе. – Она молодая, у нее своих девчачьих дел хватает, а история с Сашей Корольковым слишком сложна даже для меня самой, чтобы впутывать сюда еще и девчонку с ее неуемной энергией и желанием спасти мир хотя бы в моем лице! Незачем ей пока вникать в эту мою печаль, еще, не ровен час, и в самом деле начнет его разыскивать, что, с ее талантами-то, может привести к положительному результату! Мне бы самой хоть как-то разобраться с этими нахлынувшими, словно цунами, эмоциями».

Агата хотела увезти Катю на вокзал – крошечная синенькая «тойотка» стояла под окнами. Но Катя успокоила дочь: «Меня тетя Инна увезет, не подрывайся рано утром, спи. Сами доберемся». В свое время предполагалось, что, пока Агата в Москве, на машинке будет ездить Катя. Однако ожидания не оправдались: с вождением у той не заладилось, и, после того, как она пару раз снесла чужие бампера, от этой прекрасной идеи пришлось отказаться – слишком дорого обходились ее редкие, но меткие выезды. «Тойотку» приютили в своем пустующем гараже Оглудзе – Маша и Давид, и теперь на ней ездила только Агата, когда прилетала на каникулы.

Утром, как и обещала, за Катей приехала Инна. Вокзал Новосибирск-Главный от Пушкинского жилмассива был совсем недалеко, в каких-то пяти остановках по прямой, но тащиться с сумкой по троллейбусам или метро не хотелось, поэтому Катя с радостью уселась на переднее сиденье Инкиного «соляриса»:

— Куда там мне идти-то, Ин? – поинтересовалась она. – Там же где-то отметиться надо, что я явилась?

— На, — Инна протянула ей папку с документами. – Здесь твои бумажки. Сначала поезжай в институт, занятия проходят там же, где и всегда. Зайдешь в кабинет двести восемь на втором этаже, отметишь у секретаря командировочное удостоверение, она тебе все расскажет. Потом поедешь в гостиницу, адрес в папке.

— Да поди разберусь, — зевнула Катя. – Поехали. Вези вот теперь меня, раз втравила в эту авантюру…

В электричке Катя умудрилась поспать: народу в будний день в вагонах было совсем немного, и она, чувствуя себя каким-то если не бомжом, то французским клошаром уж точно, воровато оглянувшись по сторонам, подложила под голову надувную подушку и улеглась на все три сиденья. Укрывшись своей любимой павловопосадской шалью, в последний момент захваченной в дорогу, Катя свернулась калачиком и уснула. Ее всегда замечательно убаюкивал стук вагонных колес и легкое покачивание поезда: чучух-чучух… чучух-чучух… Через пяток минут этого чучуханья она обычно засыпала.

До Барнаула проспать, конечно, не удалось, однако время скороталось, и до института повышения квалификации, где проходило обучение инспекторов по недвижимости, Катя добралась свежей и отдохнувшей. Она быстро отметилась у секретаря – бессменной Аллы Игоревны, которая Катю сразу узнала – та обучалась на этих курсах уже в третий раз.

— Катенька! – обрадовалась Алла Игоревна. – Давай командировочное и беги скорей в триста шестую! У вас еще две пары по гражданскому праву, пять минут назад началось.

— Здравствуйте, Алла Игоревна! – улыбнулась Катя. – У меня сумка, я ведь прямо с вокзала…

— Оставляй, оставляй ее здесь! – она отодвинула дверь большого шкафа-купе. – Потом придешь и заберешь. И знаешь что, пойдем, я отведу тебя. Доцент Кузин, он такой, знаешь…

— Какой? – испугалась Катя.

— Своеобразный человек, — махнула рукой Алла Игоревна. – Может воспринять опоздание как личное оскорбление.

— О господи… — прижала ладошку к губам Катя. Она терпеть не могла опаздывать.

— Ой, да ладно, Катюша! Не переживай ты так. Бери тетрадку, вон там, на тумбочке, для вас приготовлено все, ручку бери и пойдем.

Пока поднимались на третий этаж, Катя с любопытством спросила Аллу Игоревну:

— А из каких городов в этот раз группа?

Ей всегда было интересно общаться с коллегами из других регионов, узнавать, как складывается практика по тому или иному случаю: несмотря на то, что работала Катя в сфере недвижимости уже очень давно, законодательство часто менялось, и решения по делам иногда приходилось принимать только после изучения законов и консультаций с коллегами.

— Ой, Катюш, в этот раз разнарядку прислали, — махнула рукой Алла Игоревна. – Не поверишь! Огромная группа из Якутии – двадцать человек…

— Господи, там-то что регистрировать? – изумилась Катя. – Одна же тундра сплошная, откуда у них столько народу?

— Ну вот так, — продолжила Алла Игоревна. – И еще столько же из Бурятии. И ты вот у нас одна из Новосибирска.

— О как! – озадачилась Катя. – А что это меня одну отправили?

— А всего одно место оставалось, — ответила секретарь. – От вас мальчик какой-то должен был приехать, но в последний момент заменили.

— Да, — подтвердила Катя. – Федька. Оболтус, экзамен не сдал.

Алла Игоревна между тем остановилась перед дверью аудитории: оттуда слышался голос преподавателя.

— Ну пойдем, Катюша, — сказала она и открыла дверь.

Зайдя в аудиторию, Алла Игоревна произнесла:

— Дмитрий Павлович, прошу прощения. Приехала еще одна слушательница.

— Да-да, — ответил мужчина с «эспаньолкой» и в стильных очках, стоящий за кафедрой. – Пройдите.

Катя «прошла», на ходу кивнув Алле Игоревне, и остолбенела.

Аудитория была «поточная», не слишком большая: свободных мест виднелось немного. Однако поразило ее не это. В помещении не было ни одного человека европейской внешности, кроме доцента Кузина. Луноликие бурятские и якутские красавицы рядами сидели за партами аудитории. Мужчин было немного: буквально пять-семь представителей сильной половины человечества тех же национальностей разбавляли собой этот цветник.

Усаживаясь за парту, Катя чувствовала себя белой вороной, причем не в свободном полете, а в зоопарке: взгляды всех присутствующих были прикованы к ней. Наиболее пристально разглядывал ее доцент Кузин, который буквально уставился на вновь прибывшую – он даже очки поправил, очевидно, для того, чтобы лучше ее рассмотреть.

Катя еще не знала одного важного обстоятельства – заботливая Алла Игоревна второпях не успела ее предупредить: Дмитрий Павлович был известным казановой и не пропускал ни одной мало-мальски симпатичной юбки. Надо полагать, увидев в аудитории такое количество азиатских красоток, сей сердцеед некоторым образом приуныл, поскольку был все-таки поклонником традиционной для данной местности женской красоты.

И вдруг такая удача: опоздавшая оказалась мало того, что русской, так еще и поразительно красивой женщиной. Доцент Кузин воспрял духом. Приосанившись и вновь поправив на носу очки, он продолжил лекцию.

Однако следует заметить, что Дмитрий Павлович был в чистом виде теоретик. Окончив ВУЗ по специальности «юриспруденция», он сразу занялся преподавательской деятельностью и как практик свои знания никогда не применял. А, как известно, когда теоретик пытается донести какие-то моменты до практика, частенько бывают некоторые несостыковки. В аудитории, естественно, собрались исключительно практики: все инспекторы по недвижимости занимались правоприменительной деятельностью, тогда как доцент Кузин, наоборот, ни одного закона в своей жизни не применил и мог лишь пространно рассуждать на заданную тему.

— Итак, коллеги, — отпив из стоящего на кафедре стакана воды, доцент Кузин обвел взглядом аудиторию. – Продолжим. Что представляет собой понятие «недвижимость»?

Катя удивленно подняла брови: «Неужели, — подумала она, — он будет рассказывать нам, что такое недвижимость? Как-то вроде этот вопрос уже выяснили, причем довольно давно, еще в институте… Кроме того, мы, пожалуй, могли бы сами просветить доцента на эту тему… Странно…»

— Кто напомнит мне, — лукаво улыбнулся Дмитрий Павлович, – что же такое недвижимость?

Аудитория удивленно молчала некоторое время, потом раздался мужской голос, который по-военному четко отрапортовал:

— Недвижимость – это земельные участки, недра, а также объекты, которые прочно связаны с землей!

— А скажите, коллега, — столь же вкрадчиво продолжил доцент Кузин, который, очевидно, решил блеснуть интеллектом перед вновь прибывшей слушательницей. – Что значит «прочно связано»?

Тут уже не выдержала одна из представительниц «Единой недвижимости» по Республике Бурятия:

— Да что тут непонятного-то! – воскликнула она. – Это такие объекты, которые можно переместить, только причинив несоразмерный вред их назначению.

— Все верно, коллеги, — поднял руки ладонями к аудитории доцент Кузин. – Все верно… Н-да… Однако…

Катя вытаращила глаза: «Что может здесь вызывать сомнения? – в ужасе подумала она. – Существует четко сформулированное понятие, прописанное в Гражданском кодексе… Неужели он имеет иное мнение на этот счет?»

Между тем Дмитрий Павлович, кашлянув и многозначительно стрельнув глазами в сторону опоздавшей темноволосой красавицы, произнес:

— По данному вопросу, коллеги, можно поспорить!

Аудитория загудела. «Да что ж такое! О чем тут можно спорить! – услышала Катя возгласы инспекторов, в основном, конечно, женские. – Совсем уже!»

Доцент Кузин поднял вверх руку:

— Тихо, коллеги, тихо! Попрошу внимания! – и снова сверкнул очками в сторону Кати.

Инспекторы затихли. Катя же и вовсе замерла в ожидании — она понимала, что услышит сейчас нечто невообразимое: спорить о том, что такое недвижимость, — это примерно то же, что спорить о том, мокрая ли вода.

— В тридцатые годы, — начал свое повествование Дмитрий Павлович, — в Советской России имел место проект по перемещению зданий.

Аудитория снова загудела, на этот раз вопросительно. Доценту же Кузину показалось, что это гул одобрения, и он еще более воодушевился, мысленно уже представляя себя вечером вдвоем с темноволосой красавицей из Новосибирска в каком-нибудь тихом и уединенном кафе: звучит негромкое сладострастное танго, он подливает ей шампанское, а она смотрит нежно и призывно… Стряхнув с себя эту заманчивую картину, он улыбнулся и продолжил:

— Так вот, коллеги. Это был проект, разработкой которого занимался, насколько мне известно, целый научно-исследовательский институт, естественно, по заданию правительства и под его патронажем.

Один из инспекторов в сердцах воскликнул:

— Да нахрена бы это надо! Извините, — добавил он, спохватившись.

— Понимаю ваше удивление, коллега, — великодушно произнес доцент Кузин. – Однако в те годы существовало много удивительных идей, и часто они воплощались в жизнь. Так вот.

В Москве, после тщательнейшей подготовки, сложнейших вычислений и идеально срежиссированного сценария действий, был перемещен жилой дом со спящими в нем жильцами.

«Могу себе представить, — с ужасом подумала Катя, – что в те времена могли сделать с этими несчастными людьми, если бы хоть кто-то из них не сделал вид, что спит!»

— Дом, — продолжал рассказ доцент, — предварительно отрезав от всех коммуникаций, перенесли подъемным кранами на соседнюю улицу и установили на уже подготовленный фундамент с точно таким же расположением водопровода, канализации и всего прочего.

— Хос-с-с-спа-а-а-ди-и-и-и… — прошептала Катина соседка слева, полненькая белолицая женщина.

— Жильцы, — вскинул голову и снова, теперь уже более долгим взглядом, посмотрел на Катю Дмитрий Павлович, – проснулись уже на другой улице! Представляете, коллеги, как они удивились?

«Да уж, — хмыкнула про себя Катя. – Они были счастливы, что живы, и что их не расстреляли и не заменили другими людьми, дабы эксперимент был удачным во всех отношениях: не только новое место для дома, но и новые жильцы в нем. Ха-ха».

— Итак, скажите, коллеги, — шаря вопросительным взглядом по рядам, резюмировал доцент, – можно ли говорить о несоразмерном вреде, причиненном объекту, если проснувшиеся жильцы совершенно спокойно пошли принимать душ и совершать иные утренние процедуры? И является ли вышеописанный объект объектом недвижимого имущества?

Он обвел ряды молчащих слушателей взглядом победителя, напоследок стрельнув глазами в сторону опоздавшей: та изумленно смотрела на лектора.

На самом деле, Катя, конечно, испытывала изумление, однако несколько иного толка, нежели думалось Дмитрию Павловичу.

«Неужели, — думала она, – можно в наше время быть таким придурком? Дом переместили, это ж надо! Странница я, пришла собачку говорящую поглядеть… А в соседнем доме ребеночек родился, на скрипочке играет…»

Решив, что достиг должного эффекта своим потрясающим повествованием — опоздавшая красотка достаточно удивлена и заинтригована его интеллектуализмом, — доцент Кузин решил сразу после лекции брать девушку на абордаж.

Словом, Екатерина Николаевна попала из огня да в полымя: все две недели, что длились курсы повышения квалификации, она вынуждена была спасаться от домогательств доцента Кузина, который, к слову, читал инспекторам по недвижимости не только гражданское, но и земельное, а также семейное право, вследствие чего лицезрела она Дмитрия Павловича ежедневно.

Он то приглашал ее поужинать, то подвезти до гостиницы после лекций: в этом случае Кузин игриво брал Катю под локоток и шептал:

— И на чашечку кофейку в ваш номер, Катенька… Как вы на это смотрите?

— Дмитрий Павлович, — рисовала на лице улыбку Катя, которая, конечно, осознавала, что просто так послать этого сатира на три буквы не может: сатир является членом комиссии по приему итогового экзамена. – Благодарю вас, мне очень лестно, но вынуждена отказаться.

— Но отчего же, Катенька? – недоумевал доцент. – Это ни к чему вас не обязывает…

«Да уж конечно, — с отвращением думала Катя. – Не обязывает. Да ты меня сожрать готов, козел!»

Кузин откуда-то прознал, что предмет его вожделения живет в одноместном номере, и попытки свои не оставлял ни на день. Помимо этого, он то изъявлял желание прогуляться в Катей по набережной, под предлогом того, что ночная река невообразимо красива, то приглашал ее в выходные на свою дачу…

— Мамы не будет, Катенька, — интимно понизив голос, сверкнул он очками где-то в районе ее уха. – Она сейчас в санатории, знаете ли…

— Нет-нет, Дмитрий Павлович, — испуганно отпрянула Катя. – Это неудобно!

— Ах, да никакого неудобства! – воскликнул в ответ Кузин. – Что вы! У меня перед домом прекрасная лужайка! Я сам ухаживаю за газонной травой!

«Да бл… — в сердцах выругалась про себя Катя. – Чтоб тебе!», вслух же, мысленно попрощавшись с двумя летними днями, произнесла:

— Благодарю за приглашение, Дмитрий Павлович, но мне надо съездить в Новосибирск, так складываются мои семейные обстоятельства.

— Но ведь вы не замужем, Катя, — хитро улыбнувшись, возразил тот.

— Семья, Дмитрий Павлович, — вынуждена была начать оправдываться Катя, — это ведь не только муж. У меня дочь, кроме того, на мне престарелая мама…

«Слышала бы Регина, — подумала она. – Устроила бы мне „престарелую маму“.

Раздосадованный доцент наконец отвалил, а Кате пришлось субботу и воскресенье безвылазно просидеть в гостинице, пропустив поездку на пляж с одногруппниками: она боялась, что ее козлоногий воздыхатель запросто может оказаться на том самом пляже, чему она нисколько не была бы удивлена. С ней часто случались подобного рода совпадения, и Екатерина Николаевна решила не будить лиха – провалялась с книжкой в номере, время от времени ныряя в холодильник, благо догадалась затариться продуктами и прохладительными напитками заранее.

Доцент Кузин вряд ли был старше Кати, скорее, наоборот, лет на пяток помоложе, однако производил впечатление этакого стареющего книжного червя. Не спасали положения ни щегольские дорогие очки в тонкой оправе, ни стильные «дизеля» с оригинальным ремнем, явно итальянского происхождения, ни даже выпирающие из-под белоснежной футболки трицепсы. Димон, как про себя звала его Катя, настолько дискредитировал себя рассказом о перемещенном доме, что, даже превратившись вдруг в самого Брэда Питта в самом его цветущем возрасте, он не смог бы реабилитироваться в ее глазах.

Вторая неделя курсов повышения квалификации тянулась адски долго: Кузин изводил Катю своим пристальным вниманием. Ей даже стало казаться, будто вся группа уверена, что она спит с этим донжуаном. Одно радовало — в пятницу, после сдачи экзамена, предстояла прогулка на теплоходе с пикником. Причем теплоход был не какой-нибудь там рейсовый речной трамвайчик, а самый настоящий туристический лайнер, зафрахтованный на весь день только для их группы. Четверо парней из Якутии были явно какими-то нелегальными алмазными королями: деньги в их карманах не то чтобы не переводились, а, похоже, не помещались. Они постоянно угощали девчонок обедами и ужинами в ближайшем от института ресторане, весьма, кстати, недешевом. По вечерам в гостинице устраивали сэйшны в холле с дорогим шампанским, икрой и прочими принятыми в таких случаях деликатесами. Они по первому щелчку заказывали то суши, то пиццу на всю группу, а однажды среди ночи поехали на такси в круглосуточный супермаркет за сигаретами для Кати, имевшей неосторожность постучать в их номер в надежде стрельнуть парочку.

Бурятские коллеги-мужчины были тоже не лыком шиты. В их двухкомнатном номере «люкс», который они занимали втроем, в кухонной зоне стоял ящик дорогущего армянского коньяка и всегда высилась гора фруктов. Они тоже время от времени зазывали Катю в гости на рюмочку чаю. Однако их, можно сказать, робкие ухаживания в сравнении с напором доцента Кузина практически ее не донимали.

Одним словом, группа за две недели обучения сдружилась, и мужчины откупили пароходик для заключительного вечера. В это небольшое речное путешествие заранее, еще до проведения итогового экзамена (не без умысла, полагала Катя) были приглашены все преподаватели, а также директор института повышения квалификации и его секретарь – Алла Игоревна.

«Что ж такое, — думала Катя, поднимаясь по трапу на борт теплохода и наблюдая стоящего у перил с многозначительной улыбкой на устах Кузина. – Ну почему за мной вечно какие-

то придурки ухаживают? Нет бы нормальный кто-то… Хотя… Все равно никого я не смогу полюбить по-настоящему, как любила Сашу».

Пока училась, да бегала от Дмитрия Павловича с его настойчивым интересом, да проводила время в тусовках с группой, которая оказалась состоящей из очень приятных и интересных людей, о найденной записке и телефонном разговоре с Корольковым вспоминала, но както неглубоко. Сейчас же, оказавшись одна на небольшой нижней палубе и расположившись в удобном шезлонге, вдруг задумалась: «Интересно… Неужели он так и не позвонит мне? И что же мне тогда делать? Впрочем, решу, когда доберусь до дома. Да и вообще, я ведь могу позвонить ему еще раз и попросить о встрече. Теперь уж точно терять нечего: раз начала, надо довести до конца это изматывающее душу дело».

Размышления ее прервал знакомый до судорог голос. Доцент Кузин, похоже, был уже навеселе:

— Ка-а-атенька! Так вот ты где, птичка моя!

Катю передернуло: птичкой называл ее Саша в далеком девяносто третьем, и более никто. Она просто не позволяла этого, боясь, как бы напыщенно это ни звучало, осквернить воспоминания о единственном мужчине, которого любила.

Тут же ее передернуло второй раз, потому что брудершафт они с доцентом Кузиным совершенно точно не пили. Стало предельно ясно, что вечер ее будет испорчен мерзкими приставаниями этого козлодоева.

Она долгим взглядом посмотрела на Димона и спокойно ответила:

— Во-первых, я вам не птичка, Дмитрий Павлович. А во-вторых, на ты мы, как мне помнится, не переходили.

Тот спохватился:

— Так за чем же дело стало, Екатерина Николаевна? Брудершафт, я полагаю, исправит ситуацию!

На Катин взгляд, ситуацию могло исправить только резкое падение доцента за борт с условием стопроцентного невозвращения, однако, соблюдая политес, она поднялась с шезлонга:

— Извините, Дмитрий Павлович, мне нужно припудрить носик.

После чего поднялась на верхнюю палубу и присоединилась к девчонкам: якутянки ловили солнечные лучики, загорая прямо на носу теплохода.

Речная прогулка была прекрасна, а потом пароход причалил к какому-то острову посреди реки, и гульба продолжилась уже на суше. Все было замечательно: и шашлык из баранины, курицы и свинины, и море хорошего алкоголя, и великолепно подобранное музыкальное сопровождение – колонки вынесли на палубу, и девчонки отрывались по полной. Катя и наплясалась, и наелась до отвала нежнейшей баранины, запивая ее своим любимым красным сухим вином, и, пока было солнце, назагоралась, наконец, перед поездкой в Крым. Однако чудесный денек, а потом и звездный вечер омрачал назойливым оводом вьющийся вокруг нее Дмитрий Павлович.

«И ведь парень-то, на самом деле, хоть куда, — разглядывая доцента, грустно размышляла Катя. – И тебе рост, и очочки вполне интеллигентские в хорошем смысле. И трицуха вон – аж выпирает из рукавов поло, а трицуху накачать после сорока – это вам не фунт изюма. И даже ноги немного вкривь, как и должно быть у хорошо тренированного мужика. Да другая бы от счастья, наверно, с ума сошла, если бы за ней такой видный мужчина приударял… Ан нет. Никто мне не нужен, потому что Корольков обрек меня на одиночество».

Снова вспомнив о найденной в глубине комода записке и о том, как поговорили они с Сашей по телефону – смущенно, скомканно, толком не поняв, зачем был этот звонок, — Катя решила: вернусь из Крыма, позвоню ему еще раз. А если он все-таки опередит меня, позвонив сам, назначу ему встречу. Скажу – надо поговорить.

То ли принятое решение насчет Королькова сподвигло ее, то ли просто снизошло озарение, но доцента Кузина Катя все-таки отшила.

«И почему я раньше не догадалась так сделать? – почти с ужасом думала она. Терпела эти липкие домогательства две недели, в то время как можно было прекратить это еще в первые дни. Совсем уже, Екатерина Николаевна, — мысленно ругала она себя, – мышей не ловите!»

Подхватив в танце Васю Соколова из Мирного, чья мать была якутянкой, а отец – русским, и в результате этого смешения рас и кровей он получился невообразимым красавцем-сахаляром (к тому же был моложе Кати лет на пятнадцать), она прошептала:

— Васятка, спасай! Этот маньяк меня уже достал…

Парень понял все с полуслова:

— А! – воскликнул он. – А я-то все гадал, неужели ты…

— Да ты что! – возмутилась Катя. – Нет, конечно!

После этого короткого диалога Вася от Кати не отходил ни на шаг, то приобнимая ее похозяйски за талию, то заботливо подливая ей в бокал вина, то в танце прижимая к себе чуточку крепче дозволенного приличиями. И доцент Кузин, наконец, успокоился. Он отвлекся на одну из дам, читавшую на курсах дисциплины, связанные с государственной службой, а та в ответ расцвела и весело зачирикала… «Эту ночь, — с облегчением вздохнув, думала Катя, — Димон точно проведет не один. Если не напьется, конечно, в зюзю».

После звонка Кати прошло чуть больше двух недель. Все это время Корольков мучительно раздумывал, звонить или не звонить Кате. И вроде бы все с Лёхой решили, пока пили виски в том баре и искали Катю в «Одноклассниках», а все равно Александра Леонидовича терзала неуверенность.

«Надо быть честным с самим собой, — думал он, куря на крыльце главного корпуса четвертой горбольницы, в котором располагалось отделение неотложной хирургии. — Звонок этот — либо то, о чем говорила мне цыганочка Тамила, тот самый мой второй шанс. Либо… Если это не так, мне придется распрощаться с призрачной надеждой, которая жила во мне все… Сколько уже? Двадцать три года, прошедших с лета девяносто третьего года, нашего с Катей лета. Надеждой снова быть с Катей. А я не готов. Не готов расстаться даже с этой пусть крошечной, словно солнечный лучик, пробивающийся сквозь зимние облака, надеждой… Все эти годы я в глубине души не терял тоненькую ниточку, связывающую меня с ней, и, пожалуй… Пожалуй, только это меня и держало. Правильно сказала Тамила: другой бы уже спился или заболел и умер, а ты жив. Значит, надо использовать те два шанса, о которых говорила цыганка. Но я боюсь, реально боюсь, — продолжал рассуждать Корольков. – Вдруг я неправильно истолковал Катин звонок? Может, ей просто нужна была моя профессиональная помощь – консультация или пристроить на операцию кого-то из близких? А я уже нарисовал себе радужную картину нашего с ней общего будущего? Позвоню ей, а окажется, что я нужен ей только как специалист. И тогда исчезнет надежда быть с ней снова. Впрочем… Ведь все, что говорила мне Тамила, сбылось, сбудется и второй шанс…»

Так Саша думал не раз и не два за это время и вот, наконец, настал день, когда он принял решение все-таки набрать те самые семь цифр телефонного номера, которые он помнил всю жизнь – номера домашнего телефона Кати Мороз.

С одной стороны, он, будучи человеком взрослым, понимал, что какое-то решение принимать ему придется. С другой – произошло событие, которое вдруг высвободило в Саше некие внутренние ресурсы.

Было воскресенье, и в обед вдруг раздался телефонный звонок. На экране виднелись буквы: «Лёха».

Корольков ответил:

— Да, Лёх?

— Саня, привет! – с несвойственной ему экспрессией воскликнул друг.

— Здорово… недоуменно протянул Корольков. – Чего стряслось?

— Сань, ты представляешь! – начал Алексей. – Пятаков-то…

— Что?! – в ужасе перебил его Саша. – Что Пятаков?

Он, памятуя историю с бормашиной, которая так и не нашла себе никакого разумного объяснения и сидела у него в мозгу некоей занозой, время от времени напоминающей о себе, уже нарисовал себе страшную картину разоблачения маньяка – врача сорок третьей городской клинической больницы доцента Пятакова.

«Сейчас Лёха скажет, что Пятаков оказался, например, людоедом, который убивает пациентов и расчленяет их при помощи бормашины… Нет… Окажется, что Пятаков приковывает пойманных на улице людей к батарее в снятой для своих кровавых целей квартире на улице Демьяна Бедного и насильно сверлит им, например, зубы. Или что-нибудь похуже… А бормашину, скажут, он арендовал в фирме „Добрые РуКи“, которая, по странному стечению обстоятельств, принадлежит двум другим врачам – Румянцеву и Королькову из горбольницы номер четыре… И завертится дело „врачей-убийц“, и затаскают нас с Румянцевым по допросам».

— Саня, че ты так орешь? – удивился Алексей на том конце провода.

— Ну говори уже, — почти крикнул Корольков, нервы которого были и так на пределе из-за собственных внутренних терзаний. – Говори, что там с Пятаковым!

— Да все понятно, наконец, стало с Пятаковым, Сань! – радостно воскликнул Лёша. – Все очень просто, хотя и неожиданно как-то…

Корольков похолодел:

— Ну?

— Я тебе сейчас фотку пришлю! – давясь от смеха, ответил Лёша и отключился.

Пиликнул Вотсап, и Саша немеющими от страха пальцами открыл сообщение.

На фотографии был виден плакат. «Или как там оно называется, — мучительно подумал Корольков. – Которые по обочинам проезжей части висят… Не растяжки, а как… Тьфу ты, пропасть, из головы выскочило!»

С плаката улыбался добродушной улыбкой Вася Пятаков – без халата, в какой-то клетчатой рубахе. На выставленной к солнцу ладони виднелось яйцо. Саша сначала даже не понял, что это, потому что яйцо было не простое, а… резное, словно сотканное из тончайших кружевных узоров.

«Что за черт? – подумал Корольков. – Яйцо-то тут при чем? Он же проктолог, а не птицевод!»

И тут же прочитал текст: «Сибирский карвинг – кружево тайги. Художник Василий Пятаков. Выставка работ. Дом актера. С 1 по 10 августа 2016 года».

Саша остолбенело уставился в экран телефона, не в состоянии охватить сознанием увиденное: «Василий Пятаков? Художник? Может, это другой Василий Пятаков? Нет, эту физиономию ни с кем не перепутаешь… Может, брат? Но почему тоже Василий? Двоюродный? Для двоюродного слишком похож, одно лицо! Близнец? Разлучили в детстве и по стечению обстоятельств второго назвали тоже Василием? И, о, создатель, что такое карвинг?»

Экран деликатно погас, и Корольков машинально включил телефон снова. Художник Василий Пятаков никуда не исчез, и Саша подумал: «А вот так с ума и сходят, граждане! Очень даже запросто! Так и буду ходить, всех спрашивать, кто такой Василий Пятаков – проктолог или художник, пока не догадаются меня на Владимировскую поместить, прямиком в восемнадцатый корпус, к Георгию Павловичу Громову. Еще и на каком-нибудь НГСе напишут: так мол и так, знаменитый доцент Корольков того… с глузду съехал».

Экран снова погас и тут же засветился снова: звонил Румянцев:

— Сань, ну че? – позвал он. – Дошло до тебя?

— Не совсем… — начал было Корольков.

Однако Лёша другом был настоящим и терзать озадаченного Королькова не стал:

— Ну ты че, дебил? – засмеялся он. – Васька резьбой по яичной скорлупе занимается, оказывается! Серьезно причем, Сань! Он, прикинь, член Союза художников!

— М-м-м-э-э-э… — промычал в ответ Корольков.

— Надо будет обязательно сходить, Сань! – продолжал Лёша. – С первого по десятое августа, в Доме актера.

— А-а-а-а… — просипел Саша. – Бормашина-то ему нахрена?

— Так он ею, — ответил Румянцев.

— Что – ею? – снова не понял доцент Корольков.

— Что-что! – просветил его, наконец, лучший друг. – Режет он ею, Сань! Узоры по скорлупе режет, че непонятного-то?

Королькову, конечно, хотелось сказать Лёше спасибо, но буря эмоций – от досады до удивления – охватила его, и вместо слов благодарности он выматерился так витиевато и длинно, что Румянцев присвистнул и отключился.

Заноза из воспаленного сознания наконец исчезла, и Королькову стало так легко и свободно, как не было уже много-много лет. Он вдруг понял, как много сил отнимала у него неразгаданная и зловещая история с проктологом Пятаковым и арендованной им бормашиной. Мир вокруг засверкал яркими красками, и Александр Леонидович словно увидел его заново: вот, оказывается, за окном светит солнце, а на ветвях доросшей за десять лет, которые они с Ариной живут в этом доме, до их третьего этажа липы чирикают какие-то птички…

«Хорошо, что еще пока не райские, — вернулся к действительности доцент Корольков. – Господи, хорошо-то как!»

Осознал он и то, что Вася Пятаков – тот самый добряк и увалень, которого он знает много лет, а вовсе не маньяк, расчленяющий пациентов посредством бормашины, и осознание это принесло ему несказанное облегчение.

Сразу появились силы для принятия решения относительно так терзающей его дилеммы – позвонить Кате или нет, и Корольков решительно набрал, наконец, номер ее домашнего телефона.

Ответили быстро, а вот кто произнес: «Алле!» — то ли мальчишка-подросток, то ли девушка со слегка хрипловатым голосом, — Саша не понял.

— Добрый день, — поздоровался он.

— Здравствуйте! – ответил голос.

— Могу я услышать Екатерину Николаевну? – сердце его вдруг предательски забилось.

— А мамы нет! – радостно, как показалось Королькову, ответило Катино дитя.

— А-а-а… Во сколько я могу перезвонить?

— Ой, а вы маленько опоздали! – сообщило дитя. – Мама утром улетела в отпуск.

«Опоздаешь ты, др*а*го», — Корольков словно наяву услышал голос цыганочки Тамилы.

«Опаньки! – вздрогнул Саша. – Ничего себе! Все сбывается!»

— А когда она вернется?

— Она пятнадцатого числа прилетает, вечером. Может, что-то передать? – заинтересовалась… «Похоже, все-таки девушка», — подумал он.

— Нет-нет, — торопливо ответил Корольков. – Благодарю вас, это не срочно. Я позвоню Екатерине Николаевне после пятнадцатого. Всего доброго!

— До свидания…

«Ну что ж, — Корольков сбросил вызов и понял, что лоб его от волнения покрылся холодной испариной, несмотря на то, что жара стояла неимоверная: на календаре значилось воскресенье, 31 июля. – Значит, Катя уехала в отпуск. Интересно, одна? Пятнадцатого вечером… Шестнадцатого звонить не буду, человек после перелета, скорее всего, сразу выйдет на работу, как обычно это бывает… Позвоню семнадцатого, — продолжал размышлять он и

вдруг вспомнил: — У нее же семнадцатого день рождения! Тоже не есть хорошо: наверняка будут гости или она пойдет куда-то с подружками… Или не с подружками? Я старый ревнивый идиот», — резюмировал он и остановился, наконец, на восемнадцатом августа.

Сразу стало легче, и на радостях он перезвонил Румянцеву, с которым еще долго обсуждали вновь открывшиеся обстоятельства (как называл это их общий друг юрист Чернов) по Пятакову, яйцам и бормашине.

Выйдя на трап в аэропорту Симферополя, Катя почувствовала, как тепло обнимает ее всю, с ног до головы: теплым были воздух, небо, ступеньки трапа, прощальные улыбки стюардесс, провожающих пассажиров у выхода, виднеющееся невдалеке здание терминала, автобусы с призывно открытыми дверями… Да и сама Катя моментально почувствовала себя теплой и расслабленной: «Наконец-то! – подумала она. – Наконец я в отпуске! Какое же это счастье: каких-то два-три часа, и я увижу море! Окунусь в него, проплыву немного…»

По совету соседки Ирины Катя решила остановиться в Алуште: ей показалось интересным, что в этом городке, как утверждала Ира, нет ни одного светофора. Ира же снабдила Катю адресом гостевого дома, в котором отдыхала прошлым летом сама, и телефоном хозяев.

Хозяин, невысокий смуглый мужик постарше Кати, судя по всему, этнический грек, уже ждал ее на выходе из аэропорта с табличкой в руках. На табличке значилось: «Катя Мороз», и ей стало вдруг очень приятно. «Надо же, — подумала она. – Катя… А ведь через две недели мне исполняется сорок пять. Даже не верится!»

Усевшись на заднее сидение хозяйской «Киа Рио», Катя включила телефон. Моментально высыпалось штук пятнадцать сообщений в Вотсапе, и самое интересное, чему Катя не уставала удивляться, уезжая в отпуск, — большая часть из них была от людей, с которыми не виделась много лет и даже не поддерживала никакой связи. Тем не менее, они, словно сговорившись, вспомнили о ней именно в тот момент, когда она на высоте десять тысяч метров перемещалась к вожделенному морю и отдыху. Причем вопросы у всех были не терпящими отлагательств: «Нужно еще вчера, Катенька!». И смайлик с молитвенно сложенными руками.

«Да пошли вы все!» — подумала Катя и набрала Агату:

— Доча! Привет!

— Привет, мам! – сонно ответила та.

— Ты, что ли, до сих пор дрыхнешь? – поразилась Катя.

— Н-да-а-а… Только не до сих пор, а снова легла. А что такое? – с претензией в голосе поинтересовалась Агата. – Я кому-то мешаю?

— Я долетела, дочь, — проинформировала ее Катя и хотела было уже отключиться, как вдруг та вскинулась:

— Ой, мам, — она зевнула так сладко, что Катя невольно зевнула в ответ. – Тебе какой-то мужик звонил. Буквально вот.

— Что за мужик? – удивилась Катя.

— Да ничего такой, голос вроде интеллигентный…

«Кузин! – пронеслось в голове у Кати. – Точно, Кузин! Выпросил у Аллы Игоревны мой домашний телефон и теперь будет названивать! Потому что, кроме как в моем личном деле в Институте повышения квалификации, домашнего номера нигде нет… Все давно звонят и пишут на сотовый. Елки-палки…»

— А спросил как? — поинтересовалась Катя.

— Екатерину Николаевну спросил. Вежливо так… — снова зевнула дочь.

— А ты что? – последовал закономерный для женского диалога вопрос.

— Ну, а что я? Я сказала, мол, мама после пятнадцатого числа будет. В отпуске потому что.

— Ладно, доча, — резюмировала Катя. – Пока. Я как до моря доберусь, фотку пришлю.

— Оке-е-е-ей… — протянула в ответ Агата и отключилась.

А потом на Катю нахлынул отпуск: едва она убрала в сумку телефон, хозяин, которого звали Славик, затеял с ней беседу: откуда приехала, почему к ним, нравится ли в Крыму… Два часа до Алушты пролетели незаметно, потому как Славик оказался мужиком доброжелательным и словоохотливым, да и Катя, намолчавшись в самолете, с удовольствием разговор поддержала.

Гостевой дом, в котором Славик и его жена Лена работали управляющими, представлял собой огромный трехэтажный каменный коттедж, вокруг которого виднелись галереи с выходами из номеров. То тут, то там на галереи вели винтовые лесенки. Сначала Кате это архитектурное решение показалось по-южному вычурным и неудобным, однако позже оказалось, что это очень рационально: каждая лесенка вела к двум-трем номерам, и никто из гостей друг другу не мешал.

Обитатели гостевого дома тоже оказались очень приятными людьми. Большую часть номеров, как выяснилось в первый же вечер, занимала огромная компания бывших одноклассников из какого-то уральского городка. Это были люди за шестьдесят, и все они приехали кто с внуками, кто с мужьями или женами, тут же была чья-то младшая сестра – женщина Катиного возраста, а кое-кто из представительниц прекрасной половины этого дружного разномастного коллектива захватили с собой подруг. Всего Катя насчитала двадцать пять человек, включая внуков и, как ни парадоксально, классную руководительницу этого замечательного класса – даму немногим старше их самих – и ее супруга.

Оказалось, что этот класс был у нее первым и последним выпуском: молодая учительница взяла четвероклашек и, выпустив после десятого, работать в школе больше не смогла – настолько полюбила своих первых учеников, что других брать уже не стала, уволилась. И всю жизнь общается со всеми своими «детьми», давно став для них близкой подругой.

Люди эти были все как один дружелюбными и очень открытыми. Вечерами собирались во дворе за огромным столом, который стоял, как и положено на юге, под раскидистой виноградной лозой. Вокруг виднелись буйные цветники – Лена без устали ухаживала за растениями.

Кроме развеселых уральских «школьников», как прозвала их Катя, в доме жили еще две семьи с ребятишками, и, когда вечерами взрослые пьянствовали в виноградной беседке, дети носились по просторному двору.

Гостеприимные «школьники» постоянно звали всех за свой огромный стол, и Катя частенько присоединялась к ним: люди были очень интересные и веселые.

По утрам, скооперировавшись с такими же ранними пташками, как и она сама, Катя шла на море. В компании с соседями было куда веселее. Они и обсуждали все на свете, рассказывая друг другу множество историй из жизни, и медитировали на пустынном пирсе, и просто бродили по берегу, собирая интересные камушки, чтобы потом выбрать какой-нибудь один на память, а остальные отдать Лене на украшение ее клумб…

На набережной было множество разных лавчонок – дешевых и не очень, как всегда бывает в южных курортных городках в разгар сезона.

Однажды вечером, прогуливаясь вдоль парапета, Катя обратила внимание на стойку со шляпками. Еще вчера, отметила она про себя, ее здесь не было.

— Галь? – позвала она чуть отставшую соседку. – Пойдем, шляпки посмотрим?

— Пошли! – с готовностью откликнулась та. – По-моему, это итальянская соломка!

Они подошли к прилавку, и Катя пропала… Это действительно была настоящая итальянская соломка, и откуда в этом, по сути, не слишком дорогом и шикарном месте оказались столь изящные изделия, оставалось только гадать. Шляпки были изумительны. Хотелось каждую, но ведь, как известно, в том и заключается коварство курортных покупок: кажется, что жизни не будет без этой шляпки, однако покупаешь, привозишь в свой серый сибирский город, оберегая в дороге от толкотни аэропорта, и все – понимаешь, что лето прошло, отпуск остался аль-

бомчиком фотографий, а загар практически не заметен под джинсами и ветровкой. А утром, серым и безнадежным осенним утром, и вовсе начинают одолевать сомнения: а был ли отпуск?

И прелестная шляпка итальянской соломки, покрасовавшись на видном месте в гостиной, перекочует в шкаф, а следующим летом – на дачу к Анютке, так и не надетая ни разу. И будет жаль вовсе не выложенной за эту шляпку баснословной суммы…

Катя так и не купила ни одну из шляпок, потому что прекрасно понимала, что, кроме как на юге, носить эту красоту будет негде – одно расстройство.

Две недели отпуска прошли в блаженной неге ничегонеделания, болтовне с соседями и прогулках по набережной. Экскурсии были неоправданно дороги, да и не слишком хотелось трястись полдня в автобусе по пыльной дороге, чтобы в толпе туристов взглянуть одним глазком на какую-нибудь крымскую достопримечательность. Однако после очередной всеобщей гульбы во дворе гостевого дома хозяин проникся к своим постояльцам особым вниманием: Славика так тронула многолетняя дружба школьников, приехавших на встречу из разных городов, что он вызвался свозить желающих на Белую гору. Бесплатно.

Один из гостей, весьма обеспеченный человек, прибывший из Питера с супругой и четырьмя внуками, оплатил бензин. И развеселая компания во главе с хозяином, сидящим за рулем микроавтобуса, выдвинулась на Белую гору. Катя, конечно же, воспользовалась любезностью Славика — Белая гора в прошлом году произвела на нее очень сильное впечатление. Простор и море обожаемой ею лаванды… Очень хотелось испытать эти ощущения снова.

И вот снова аэропорт, торопливые пожелания всего самого хорошего таксисту – молодому улыбчивому азербайджанцу Эрику, вызвавшемуся дотащить ее чемодан, полный крымского вина и граппы, до стойки регистрации, традиционный фужер с капелькой коньяка, выпитого для смелости, и самолет уже взлетает. До дома осталось каких-то пять часов.

1993 год

В то утро, вопреки обычному, Саша разбудил Катю. Уже несколько раз за последние пару недель ему звонил дед и напоминал о том, что ждет его к себе – помочь наколоть на зиму дрова. Бабушку похоронили несколько лет назад, и дед Иван холостяковал на окраине Бердска, в старом доме у самой реки. Это был еще крепкий старик, и, несмотря на свои восемьдесят три года, справлялся с небольшим огородом и десятком курочек сам. Бывший речник, он знал Бердь как свои пять пальцев, часто ходил на рыбалку, поэтому у него можно было поживиться не только свежей, но и вяленой рыбкой, чем Саша частенько пользовался: если собирались с друзьями попить пива, то уж рыбка у них была всегда.

Накануне дед позвонил снова:

— Саня, сынок! Ну ты чего там, совсем заучился?

— Привет, дед! – обрадовался Саша. – Не совсем, конечно!

— Ты когда приедешь ко мне? Дрова-то лежат…

— Дед, все, приеду! Сто процентов, завтра приеду! – Саше было стыдно, что он тянет с дровами столько времени.

— Так я тебя жду завтра? — переспросил дед.

— Да, буду. Только давай я… не с самого утра, ладно? После обеда приеду?

— Да как удобно, сынок. Только дров-то много…

— Ничего, успею.

— Ночевать будешь? – спросил дед.

— Обязательно! – Саша обожал оставаться у деда. Здесь проходили все его школьные каникулы, и каждый уголок дома и большого двора напоминал о детстве. Тогда все было как-то так, как и положено: дед брал его с собой на рыбалку, а бабушка к их приходу пекла что-нибудь вкусное – пироги или булочки… Зимой маленького Сашу укладывали спать на печке, а летом

он часто ночевал в сарае, где хранилось сено для коровы Дуси. Сейчас коровы уже не было, она умерла своей смертью в положенный срок: дед не позволил колоть ее на мясо, даже тогда, когда она стала совсем старой и почти перестала давать молоко. «Что это мы, Дусеньку нашу убить дадим? – возмущался он. – Да ни за что! Пусть живет животинка, она нам как дите!» Так и дожила она свой коровий век в тишине и спокойствии, окруженная заботой и любовью. Соседи крутили пальцем у виска, мол, Леонидыч совсем того, ку-ку, корову пожалел, да и деньги какие пропадают, однако деду на соседей было глубоко наплевать. Он всегда поступал так, как считал нужным, если и оглядываясь на мнение окружающих, то крайне редко и как-то про себя, что ли. Никто бы и не подумал, что Иван Леонидович Корольков беспокоится о том, что думают про него другие.

Надо сказать, что именно это качество, унаследованное от деда, очень помогало в жизни и Саше.

— Ка-а-ать! Проснись!

В ответ Катя хрипло промычала что-то нечленораздельное. Она всегда спала очень крепко и, чтобы ее разбудить, требовались определенные усилия.

— Катерина! А ну-ка просыпайся, — Саша сдернул с нее одеяло, — подъем!

— Саша… Отстань… Рано еще…

— Проснись! – он дернул ее за ногу. – Да что ж такое!

«Если бы меня так тормошили, я бы уже подскочил, как ужаленный, а она даже не пошевелится, надо же! – думал он. – Может, это потому что я… потому что мы с ней… — улыбнулся он сам себе. – Устала, козочка…»

— Ну что такое-то, а? – Катя открыла глаза. – Что?

— Ну? Проснулась?

— Проснулась, — проворчала Катя, — с тобой не уснешь ни ночью, ни днем, честное слово!

— Кать. Мне сегодня уехать надо, – начал он и сразу понял, что начал неудачно: глаза девушки наполнились самым настоящим, неподдельным страхом.

— Куда?!

— Да к деду, в Бердск, — торопливо начал объяснять Саша, — дрова помочь на зиму наколоть. А ты думала, «вызван с докладом в Новохоперск, к обеду не жди, твой суслик?»

— Думала! – серьезно ответила она. – С тебя станется… Дурак ты прям какой-то, Саш…

Она обняла его теплыми со сна руками, прижалась щекой к плечу и затихла.

— Сама ты дурочка, Кать. Поехали со мной, а? – неожиданно предложил он, представив, что придется провести ночь без нее, и от этого приуныв. – Поедешь?

— Да ну, как-то неудобно, наверно, — засомневалась Катя.

— Чего тебе неудобно? – рассмеялся Саша. – Дед у меня нормальный мужик.

— Ну, не знаю… — снова заканючила Катя. – Ты там дрова будешь рубить, а я-то что делать стану? И курить нельзя, наверно? Дед твой в обморок упадет, если я закурю.

— Найдем тебе, что делать, не волнуйся. А курить можешь совершенно спокойно, моя бабушка всю жизнь курила, еще с войны.

— Да ладно? – удивилась Катя. – Хотя… в то время многие женщины курили… А на чем мы туда поедем-то, Саш? На электричке, что ли?

— Обижаешь, детка! На машине.

— Как это? – вытаращила глаза Катя. – На какой это еще на машине?! У тебя что, машина есть?!

— Нет, — грустно ответил Саша, — нету у меня машины. Но неужели ты думаешь, что я твою красивую попу повезу на электричке? Отцовскую возьмем.

— У тебя есть права? – внимательно глядя на него, спросила Катя.

— А что тебя так удивляет-то? – ответил он. – Есть, конечно, я же на УПК на «автодело» ходил. Потом восемнадцать исполнилось, пошел да сдал на права. Тем более, у отца всегда были машины, и я вожу лет с восьми, наверное.

— Нифига себе! Круто! – восхитилась Катя, окончательно проснувшись. – Всегда завидую людям, которые умеют водить машину!

— А ты не умеешь? – спросил Саша, потихоньку выбираясь из ее объятий. — У твоих родителей не было машины?

— Была, у папы… Но, когда он умер, мать продала ее, хотя я просила оставить.

— Слу-у-ушай! – вдруг вспомнил Саша. — А собаку куда? Как ты Малышку-то оставишь?

— Не извольте беспокоиться, — засмеялась Катя. – Собака у меня специально обученная. На пеленочку сходит, я ей постелю, а потом уберу все, когда вернусь.

— Ну вот видишь, как все прекрасно складывается, — искренне обрадовался Саша, решивший было, что из-за собаки Катя не сможет поехать, и ему придется, закончив с дровами, поздно вечером возвращаться домой… Ну то есть к Кате, конечно, потому что перспектива провести целую ночь без нее совершенно его не прельщала.

— Ну да, складывается… — задумчиво ответила Катя. – А во сколько ты… мы поедем?

— Давай ближе к обеду. Ты отоспишься, потом прогуляешь свою псинку, да и поедем с тобой. В час где-то.

— Ну хорошо… А сейчас чего? Пойдешь?

— Пойду, конечно, мне учить надо, ты же знаешь… А ты спи… Я посигналю, как подъеду, ты выйдешь. Договорились, птичка? – он поцеловал ее в щеку, слегка помятую и теплую, с трудом оторвался от нее и пошел в коридор – обуваться.

Катя догнала его и снова обняла, прижалась так, как могла прижиматься только она: словно растеклась вся по нему, растворилась в его руках.

— А какая у твоего папы машина? – вдруг спросила она, сама освобождаясь из его объятий, понимая, видимо, что ему на самом деле нужно идти.

Саша ухмыльнулся:

— Папан у меня крутой! «Девятка», на минуточку! Почти вишневая.

— Ух ты! А почему почти? – заинтересовалась Катя.

— Ну цвет такой у нее, «аметист» называется, похож на вишню, но не совсем то. У отца всегда хорошие машины были, надо сказать, — сказал он. – До этого «семерка» была, цвет «сафари».

— Гляди-ка, — улыбнулась Катя. — А почему он тебе не отдаст?

— Я сам не возьму, Кать, — серьезно ответил Саша, — это его машина. Сама же знаешь, сколько на эту тачку горбатиться надо, с чего это он должен мне ее отдавать? Так, иногда беру покататься, в особых случаях.

— А какие у тебя бывают особые случаи? – то ли с ревностью, то ли с интересом спросила Катя.

— Ну, например, к деду съездить. Я страшно не люблю электрички. Народу битком, все… пахнут.

— Ты ж врачом быть собрался! – удивилась Катя. — Вот уж где нанюхаешься…

— Борюсь с этим, Кать, — ответил он, нахмурившись. — Ты права… Все. Я пошел. Поше-е-ел, — протянул он, снова отлепляя от себя Катю.

Она не отпускала его, смеялась, обнимала, висла на нем и, только когда он всерьез прижал ее к стене, скользнула под его рукой и, часто дыша, отпрыгнула в сторону:

— Все, иди уже! Иди! Учи свои уроки!

Саша, тяжело вздохнув, быстро вышел, а Катя, повернув замок, прижалась к двери спиной и прошептала в щель: «Иди-и-и», зная, что он стоит снаружи и ждет, когда она переду-

мает и откроет ему. Дождавшись, что двери лифта громыхнут друг о друга, Катя схватила с полки сигареты и зажигалку и вприпрыжку побежала на балкон – проводить Сашу взглядом. «Он наверняка оглянется, — думала она, и я помашу ему…» Это было время, когда Саша уже перестал терзать себя каждое утро мыслями о том, что возвращаться к Кате не станет, поэтому он вышел из ее подъезда, мурлыча себе под нос какую-то мелодию и улыбаясь. Он поднял голову, увидел на балконе Катю: стройные ноги — попа едва прикрыта легким шелковым халатиком — виднелись через решетку перил, в руке зажженная сигарета, узел волос на макушке, прихвачен, похоже, шариковой ручкой, которая до этого валялась в коридоре на полочке – уж больно заметный цвет – ярко-зеленый.

«Ну козочка! – подумал он и помахал ей. — Попа наголе, сверкает на весь двор! Что ж такое, а! Хоть бы лифчик догадалась надеть, когда к деду поедем…»

У Саши было достаточно чувства юмора, чтобы не стоять в ожидании Кати возле машины, опершись задницей о капот, и картинно курить. Он припарковался возле ее подъезда, чуть в стороне от входа, под раскидистыми рябинами, которые росли тут всегда, с самого их детства. Машину почти не было видно из окон, выходящих на подъезд. Пару раз нажал на клаксон, как договаривались, и снова сел за руль.

Через пять минут вышла Катя и, пока она шла к машине, он смотрел на нее и думал восхищенно: «Ну вот как так! Платье какое-то абсолютно простое, даже не платье, а сарафан на лямках, проще может быть только мешок из-под картошки! Сандалики – три ремешка. И при этом – как картинка из журнала! Модные круглые темные очки подняты надо лбом, к ремешку крошечной сумочки – тоже последний писк, это даже я знаю, все крутые телки с такими ходят – привязан небрежным узлом легкий синий в мелкий белый горошек шелковый полупрозрачный шарфик. Да, правду говорят, что важно не что надето, а на что. У меня не было еще такой красивой женщины… И… породистой, что ли», — он засмущался своих мыслей, потому что никогда раньше не думал ни об одной женщине, что она породистая.

Выходить и открывать перед ней дверь машины он не стал, искренне считая это позерством. Ему и раньше казалось, что это какая-то деланая, притворная галантность – подчеркнуто вежливо открывать перед женщиной дверку машины. Да в конце концов, женщина – такой же человек, сама, что ли, не откроет? Это примерно то же, думал он, как если мужик несет женскую сумку – типа помогает, ха-ха! Не беда, что сумочка – это вообще-то деталь туалета, дополнение к платью… Ладно — сидор с продуктами взять и донести, это нормально, но тащить в руке дамский ридикюль… То же и с дверкой машины.

Открыв ей изнутри переднюю дверь, он с улыбкой наблюдал, как она скользнула на пассажирское сиденье – легко, правильно, словно ездила на машине постоянно. Бросив на заднее сиденье сумочку, она спросила:

— Че, поди пристегиваться надо? – и немного недовольно нахмурилась. – Не люблю…

— Да прям, зачем, — ответил он. – В Новосибирске, да будет тебе известно, за ремень не останавливают.

Катя захлопнула дверь, но недостаточно сильно – не закрыла. Саша, потянувшись через нее, правой рукой двинул дверку покрепче, успев почувствовать плечом упругую грудь под тоненьким хлопковым сарафанчиком, и понял, что, пожалуй, до Бердска просто так, без остановок, не доедет.

Тронувшись с места, он, белозубо улыбаясь, спросил Катю:

— Ну, что там собакен? Тосковать не будет?

Катя, как завороженная, уставившись на него, ответила:

— Сказала, что хорошо…

Он засмеялся:

— Ах, едемте же спасать кошку?

Она в ответ тоже рассмеялась:

— Едемте-едемте! Нормально собакен, мы с ней погуляли, потом она получила миску вкуснятины и легла спать. Так что все в порядке.

Катя отвела глаза и теперь исподтишка поглядывала на Сашу: на нем сегодня были джинсовые шорты, и его длинные загорелые тренированные ноги не давали ей покоя.

Саша вел машину совершенно спокойно, без тени неуверенности или волнения. Незаметно переключал скорости, мягко притормаживал или разгонялся, легко и уверенно обходил другие машины. Руль он почти все время держал левой рукой, а правая лежала на колене. Словом, вел он себя так, словно проводил за рулем большую часть времени, — естественно, без намека на какой бы то ни было выпендреж, даже в шутку, — смеялся, болтал, подкалывал Катю, но подозрительно не делал никаких попыток схватить ее за коленку, усмехаясь иногда одним уголком губ.

Они уже выехали за город, когда Катя не выдержала – залезла-таки ладошкой ему под шорты. Он замолчал и начал искать глазами поворот на какую-нибудь лесную дорогу.

Ценой невероятных Сашиных усилий – ему хотелось остаться с Катей в этом сказочном летнем лесу навсегда и одновременно быстрее ехать к деду – они добрались наконец до Бердска. Когда, попетляв по узким улочкам, на которых с каждым поворотом все более ощущалась близость реки, они остановились у крашенных темно-зеленой краской деревянных ворот, на часах была уже половина третьего. Дед Иван, видно, ждал давно, потому что сразу вышел встречать. Вместе с Сашей они открыли ворота, а Катя тем временем вышла из машины. Дед, увидев ее, заулыбался:

— О, Саня! Ты с помощницей?

— Да, дед! – засмеялся Саша.

Катя немного смущенно улыбнулась:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, дочка! Какая красавица! Дед Иван меня зовут.

— А меня — Катя, — ответила она, помня, что «очень приятно» должен говорить более старший по возрасту или положению.

Саша загнал в ограду машину и закрыл ворота. Подойдя к ним, спросил:

— Познакомились уже? Дед, правда, она красивая?

Катя не верила своим ушам.

— Правда-правда, сынок. Проходите, ребятишки.

Катю так давно никто не называл дочкой, с самой, наверно, смерти отца, что у нее от эмоций даже выступили на глазах слезы. Она вдруг почувствовала себя как в детстве, когда приезжала к своим дедушке с бабушкой в небольшой городок Серебрянск в Восточном Казахстане.

— Чай будете с дороги? Голодные? – дед Иван открыл дверь в дом.

— Нет, дед! Работаем, а то и так припозднились, — ответил Саша и стянул с себя футболку. – На, Кать, кинь где-нибудь. Поехали. Дед, перчатки дашь?

— А мне что делать, дедушка? – спросила Катя.

— А ты, Катюша, ужин нам приготовишь. Картошку жарить умеешь?

Катя засмеялась:

— Я все умею! Что скажете, то и приготовлю.

— И рыбку пожарить сможешь? – удивился дед.

— Смогу, конечно! Только знаете что… — она вдруг поняла, что не взяла с собой ничего, кроме ключей от квартиры и складной зубной щетки. – Вы мне переодеться что-нибудь дадите? Ну штаны какие-нибудь старые и футболку? Я что-то не подумала…

— Дам, Катенька, конечно, дам. Вон, Санькины джинсы старые и наденешь, да рубаху его, которую он еще в школе носил. Сейчас принесу.

Дед скрылся в доме и через минуту вернулся, держа в руках джинсы и клетчатую рубашку:

— На вот, иди в баньку, во-о-он там, налево, видишь? Там и переоденься.

Катя повернула голову и увидела в дальнем конце огорода небольшую приземистую баню. Отцепив от сумочки шелковый шарфик, она забрала у деда одежду и пошла по тропинке. Зайдя в предбанничек, она сняла с себя сарафан и осталась в одних трусиках. Повесила сарафан на крючок для одежды и нырнула в джинсы. Они оказались немного большеваты, но для жарки рыбы сойдет, подумала Катя. Рубашка пришлась почти впору, и Катя завязала ее узлом выше пупа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.